ISSN 0131-5994

РОВЕСНИК

№ 12/87 декабрь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Для нашего друга — Республики Куба 1 января двойной праздник: День освобождения — победы кубинской революции и приход Нового года.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

12

ПНОМПЕНЬ. 7 января 1988 года Народная Республика Кампучия вступит в десятый год своей новой истории, начавшейся после свержения кровавого режима Пол Пота. За такой короткий срок сделано немало. Возрождается национальная культура. С первых дней народно-революционной власти в стране действуют группы трудовой взаимопомощи — начальная форма кооперативного хозяйствования, помогающая ликвидировать дефицит продовольствия.

Правительство Народной Республики Кампучии провозгласило политику национального примирения, открывшую возможность для диалога со всеми кхмерскими группировками и их руководителями, за исключением Пол Пота и его приспешников. На снимке: кампучийские семьи на прогулке в городском парке.

ХАРТУМ. Два года после суровой засухи, продолжавшейся несколько лет, суданцы собирают урожай. Уже не вымирают от голода целые деревни, но продовольственная проблема далеко не решена: низкий уровень агротехники, отсутствие средств на механизацию и удобрения — вот главные причины низких урожаев. Да к тому же еще огромный внешний долг — 10 миллиардов долларов, накопившийся за время правления правонационалистических сил,— сказывается на экономическом положении Судана. Сейчас страна вернулась к парламентской системе. Но трудно разрешимые проблемы остались. На снимке: верблюд твердо удерживает первенство как незаменимый помощник человека в пустыне.

ЛЕНИНГРАД — побратим Сантьяго-де-Куба. Много общего у этих двух городов. Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции. Сантьяго-де-Куба — колыбель кубинской революции: здесь в 1953 году смельчаки штурмовали батистовскую казарму Монкада, здесь началось восстание 1956 года против диктаторского режима Батисты. В год семидесятилетия Великого Октября окрепли дружественные связи городов-побратимов. Обмен опытом проходит между Ленинградским производственным объединением «Красный треугольник» и кубинской фабрикой пластмассовой обуви, Ленинградским университетом и университетом «Орьенте». Ленинградский обком ВЛКСМ направил на месяц в Сантьяго группу молодых текстильщиков для подготовки кадров на текстильном комбинате «Селия Санчес». Такие примеры можно продолжить. Крепнет сотрудничество городов-побратимов.

КАБУЛ. В январе будущего года исполнится год, как правительство Демократической Республики Афганистан провозгласило политику национального примирения.

Напомним вкратце ее принципы: прекращение огня, отказ от вооруженной борьбы при решении вопросов настоящего и будущего страны, справедливое представительство в политической структуре и экономической жизни, непреследование за прошлую политическую деятельность, общенациональная амнистия. Политика национального примирения дала всем афганцам надежду покончить с девятилетним кровопролитием, ее наглядный результат — почти на всей пригодной для жизни афганской территории установлена народная власть. Контрреволюция окопалась в пустынных и горных районах, не приспособленных для жизни. Душманы, обильно снабжаемые и подогреваемые из-за рубежа, жестоко мстят тем, кто откликнулся на лозунг национального примирения, сложил оружие, вернулся в родные места. Но цель правительства ДРА — обеспечить мир своей родине — находит понимание и поддержку в народе. На снимке: Кабул в дни надежды.

ЖЕНЕВА. На снимке будничный день этого швейцарского города: толпы людей, роскошные витрины и уличные музыканты. Для туристов такой концерт под открытым небом — европейская экзотика, а для попавшего в кадр выпускника консерватории — единственный способ заработать на жизнь. Чем больше экзотики, тем больше туристов и тем больше монет они, возможно, бросят к ногам музыканта...

ГАВАНА. Враждебные действия США против социалистической Кубы имеют долгую историю. В 1961 году могущественный северный сосед высадил войска на Плая-Хирон, в 1962-м — спровоцировал печально известный «карибский кризис». Добавим сюда экономическую блокаду, дипломатическую войну, всевозможные диверсии. В 70-е годы — бактериологическая агрессия против табачных плантаций и животноводческих ферм Кубы, что, кстати, было признано и самой американской прессой. Ныне, в 80-е годы, Вашингтон санкционирует провокационные облеты острова своими военными самолетами, плетет антикубинские интриги в международных кредитно-финансовых центрах и развязал против Гаваны психологическую войну в эфире. В 1981 и 1983 годах дело едва не доходило до открытых конфликтов между Кубой и ее северным соседом. Первопроходцам социализма в Западном полушарии очень нелегко: в их стране исторические достижения еще подчас уживаются с наследием вековой отсталости. Тем важнее по достоинству оценивать то, что уже создано и достигнуто «первой свободной территорией Америки», что уже стало фундаментом ее будущего.

ДА-РАЗОРУЖЕНИЮ И МИРУ!
YES TO DISARMAMENT AND PEACE!

СМОТРИТЕ

На этом развороте — фоторассказ о работе на будущее и против него.

Во имя мирного будущего — советско-американский «Поход за мир и разоружение» от Ленинграда до Москвы, состоявшийся минувшим летом (фото Е. ТРОШИНА); совместный труд советской и французской молодежи на стройке дружбы в Апатитах (фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО).

На будущее, отравленное взаимным недоверием и подозрительностью, работают империалистические силы, посылающие за тысячи миль от своих берегов начиненные орудиями уничтожения корабли (на снимке — американский авианосец «Энтерпрайз»), обучающие молодых парней атавистической науке убивать (на снимке — учения войск НАТО), создающие сложнейшую технику подслушивания, подглядывания и наведения смертоносных ракет (на снимке — электронные установки, скрытые среди холмов Англии).

ТРУД, ИСПОЛНЕННЫЙ СМЫСЛА

Иржи ФРАНЕК,
чехословацкий журналист

Единый сельскохозяйственный кооператив (ЕСК) «Слушовице» в Чехословакии знают все. И это не преувеличение. Знают его успехи в хозяйствовании. Приведу всего несколько цифр. За двадцать лет урожаи зерновых выросли здесь более чем в 3 раза и сейчас достигают 62,1 центнера с гектара; среднегодовые надои поднялись тоже более чем в 3 раза и сейчас составляют 5992 литра; валовая сельскохозяйственная продукция с гектара возросла в 5 раз и сейчас в денежном выражении равна 33 730 кронам (100 крон= =10 руб.— Ред.). Результаты хозяйствования такие, будто с каменистых валашских почв «Слушовице» переселился на плодородную черноземную равнину.

Да, об успехах знают все. Но каким образом их удалось достигнуть? И тут мнения разделяются. Некоторые даже утверждают, что ЕСК «Слушовице» типично капиталистическое предприятие, непонятно как возникшее на территории социалистического государства. Неужели сторонники таких взглядов думают, что голое администрирование, ведомственность, негибкое управление, подавляющее творческий потенциал людей, и другие болезни социализма периода его становления, от которых теперь мы с большим трудом избавляемся,— это и есть социализм, а предприимчивость и деловые способности — преимущества капиталистической экономики? И еще вопрос: некоторые утверждают, что «Слушовице» — капиталистическое предприятие. А есть ли тогда на этом предприятии партийная организация?

Люблю задавать «провокационные» вопросы, но в этот раз мне не повезло: мой трюк устарел. Председатель общекооперативного комитета Коммунистической партии Чехословакии Павел Чмолик спокойно ответил:

— Сегодня так думают только те, кто знает о нас понаслышке. Партийная организация нашего кооператива самая крупная среди сельскохозяйственных предприятий южноморавского края.

— Есть нечто уникальное, специфическое в отношении к труду здешних людей. В чем тут дело?

— Думаю, в стабильности требований, которые формируют коллектив вот уже двадцать лет.

— В чем на практике выражается эта стабильность требований?

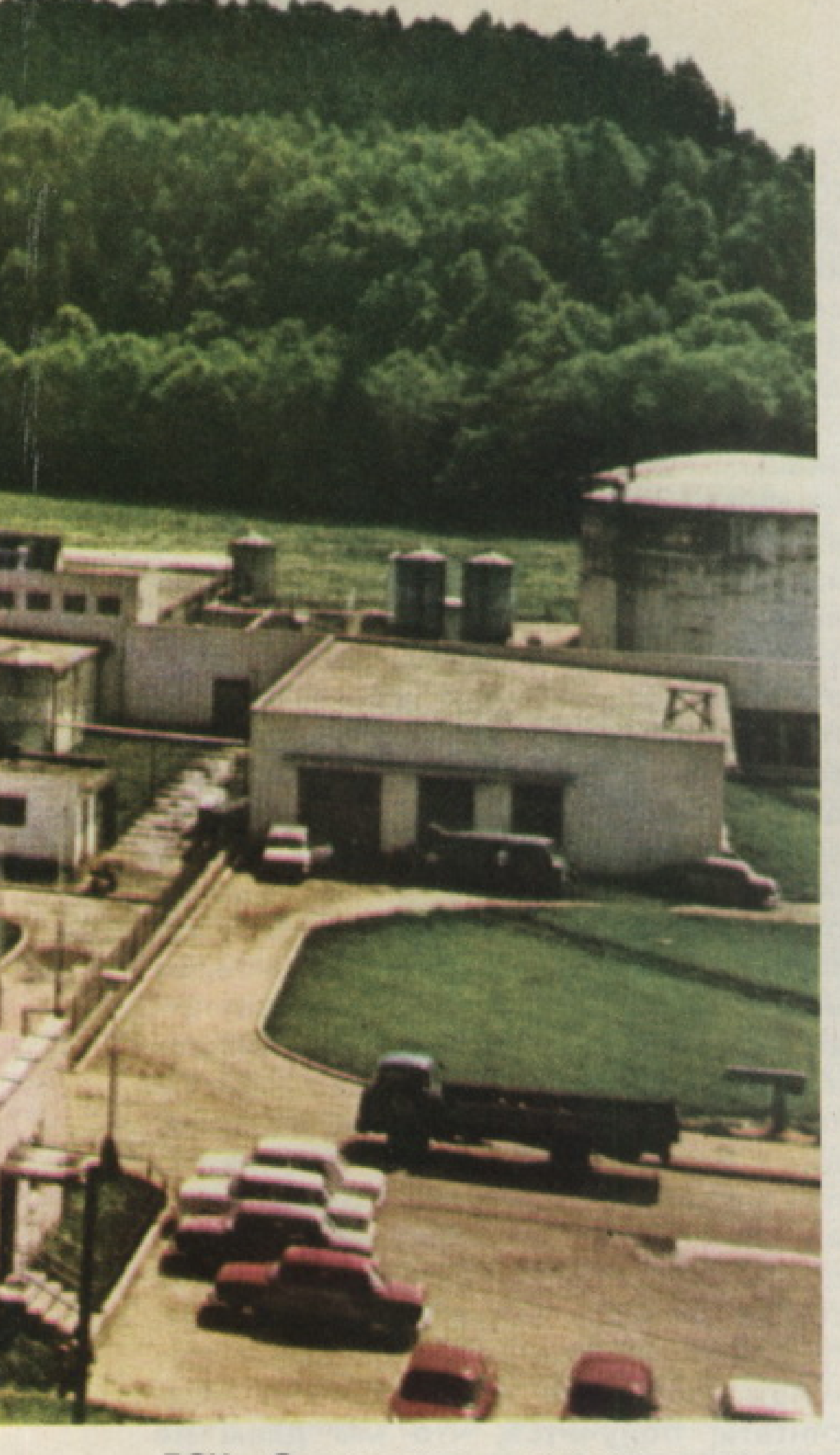
— Прежде всего регулярная ежеквартальная оценка работы коммунистов на руководящих постах. Не справляющийся с делом переводится на другую работу, а проявивший способности идет на повышение.

— Иными словами, последовательность в выполнении решений и применении разработанной системы управления важнее самой системы?

— Да, потому что, если начатое дело брошено на полпути, это отражается на результатах и качестве. Сколько я помню, не было ни одного года, когда бы не проводилась квартальная оценка. Или была бы перенесена из-за недостатка времени. Если бы такое случилось, сразу начались бы сбои. Кстати, аттестация у нас проводится не ради наказания, не ради того, чтобы кого-то выгнать. Главное, чтобы люди учились на ошибках, и на своих, и на чужих.

— У меня такое впечатление, что именно последовательность — краеугольный камень уникальности «Слушовице». Было время, когда проявлялось мало понимания проблем сельскохозяйственного предприятия, которое «многого требовало». Скажите, кто вам больше всех помог в те трудные годы?

— Больше всего нам помогло, думаю, наше упрямство. Это основа всего. Да и районная партийная организация всегда шла нам навстречу. С тех пор как я в партии, помню, мы всегда советовались с райкомом, и он нас понимал.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ЕСК «Слушовице» выпускает, помимо сельскохозяйственной продукции, что бы вы думали, компьютеры. Рассказывает заместитель председателя кооператива по вопросам микроэлектроники инженер Мирослав Кубик: «Развитие хозяйства было очень бурным, а способ, каким мы использовали центральный компьютер — подготовка данных, обработка их в вычислительном центре и передача потребителю,— отставал, становясь тормозом. Необходим был новый подход: информация должна обрабатываться там, где возникает. По управленческой лестнице должно подниматься самое существенное, ведь председателю кооператива вовсе не обязательно знать обо всех мелочах и деталях, он нуждается в общих сведениях.

В 1980 году я начал руководить отделом вычислительной техники. Сразу стало ясно, что без децентрализации не обойтись. У нас было достаточно квалифицированных кадров, но недостаточно небольших ЭВМ...»

На этом месте я позволю себе прервать инженера Кубика. В начале 1982 года отдел вычислительной техники стал самым отстающим звеном. Дальнейшее развитие всего предприятия и его отдельных подразделений тормозили недостатки в машинной обработке данных. Информатики отчаянно искали выход, но найти его им не удавалось. По стечению обстоятельств выход нашелся в другом месте, но вовремя.

Группа рационализаторов транспортного предприятия из города Оломоуца существенно усовершенствовала один из типов мини-компьютеров, изготовлявшихся в те годы. И столкнулась с положением, когда рацпредложению, казалось бы, всюду рады, идея хороша, но никто не берется за ее осуществление...

Снова передаю слово инженеру Кубику: «А нам идея пришлась как раз. Попала в точку. Мы ее довели у себя до конца. Про полученный мини-компьютер один посетивший нас специалист сказал: «Настолько прост, что нет поломок и сбоев, настолько производителен, что это далеко не игрушка». Тогда мы еще не знали, что станем производителями вычислительной техники. Нам нужно было несколько систем для своих нужд и для Оломоуцкого транспортного предприятия. Все последовавшее было вызвано вспыхнувшим интересом...»

Я не выдержал и прервал говорившего вопросом: «Можно ли считать нормальным факт производства ЭВМ сельскохозяйственным кооперативом?»

— Разве мы запрещаем промышленным предприятиям выращивать овощи? Само собой, есть социалистическое разделение труда. Но реальность такова, что электротехническая промышленность не успевает удовлетворять спрос. Ну а мы помогаем решить эту проблему для сельского хозяйства.

У всех побочных производств кооператива одно преимущество: они не работают для склада, производят нужные изделия. ЕСК «Слушовице», случайно столкнувшись с компьютерной проблемой в 1982 году, в 1986-м стал фирмой, производящей полную конструкторскую систему и в придачу к ней огромный пакет с программами обеспечения.

Перечень хозяйств, которые «эксплуатирует» «Слушовице», был бы весьма длинным. Например, кукурузу он выращивает на «чужой» земле — на 17,6 тысячи гектаров в Чехословакии и 1,3 тысячи гектаров на Украине. Хотя в ЕСК сами картофель не выращивают, но шефствуют над несколькими картофелеводческими кооперативами в Тршебичском районе. Кроме того, занимаются растениеводством в одном из кооперативов Готвальдовского района.

Беседую с работником растениеводческого предприятия инженером Франтишеком Манясеком, в его обязанности как раз входит интеграция с другими хозяйствами. Он объясняет:

— Что касается кукурузы, это двусторонние партнерские отношения на добровольных началах, скрепленные договором, который каждая из сторон может в любой момент расторгнуть. В случае, если одна из сторон понесет убытки от расторжения договора, другая заплатит неустойку.

— Что вы предлагаете своим партнерам и чего хотите взамен от них?

— Мы предоставляем семена и удобрения, методическую помощь, то есть разработанную с ювелирной точностью технологию. Само собой, обеспечиваем нужным оборудованием. Все это создает гарантию высоких урожаев. Мы требуем строгого выполнения технологии, потому что без этого дело теряет смысл и гарантировать успех нельзя. Конечно, за услуги мы берем деньги, «вступительный взнос».

— Много?

— Наши услуги недешевы. Но ведь и нам ничего даром не достается, более того, семена кукурузы и большую часть химикатов мы покупаем в капиталистических странах за валюту. А вообще-то, спросите лучше у наших партнеров, почему они продолжают сотрудничать с нами? Видимо, интеграция им выгодна, раз они не отказываются от нее.

— Я думал как раз о том, что вы требуете плату не только в кронах, но и натурой — кукурузой, а это чертовски твердая валюта.

— Вы правы. Но мы используем земли предприятия-партнера в первую очередь для того, чтобы у него повысилась урожайность. Лишь когда успех достигнут, мы получаем право на свою «десятину» в кукурузе.

— На что вы ее используете?

— Продуктивность нашего животноводства в пересчете на гектар в два раза выше, чем в среднем по республике. Нам нужны корма. Причем используем мы их с максимальной эффективностью: на килограмм затраченного корма у нас самый высокий в республике прирост веса.

Тут нужны некоторые пояснения. Что понимать под экономикой? Есть две возможности: следить за тем, чтобы сельхозпредприятия потребляли как можно меньше сочных кормов, или следить за тем, чтобы они наилучшим образом использовали получаемые сочные корма. Я за второй вариант: общественно полезно отнюдь не крохоборство, но рентабельность. Статистические показатели экономии кормов не делают мясо дешевым, а эффективное использование кормов снижает цену на мясо. Плодотворно используя всю выращиваемую кукурузу, «Слушовице» и служит этой цели.

Масштаб финансовой деятельности, не связанной с сельским хозяйством, в ЕСК «Слушовице» превышает объем собственно сельскохозяйственного производства, но ни в коей мере не за счет пренебрежения главным делом. Во время полевых работ все силы брошены на поля, и подсобные производства в страдную пору становятся резервами рабочей силы, что очень выгодно, так как сезонность в сельском хозяйстве — не самая удобная сторона. Однажды я приехал в такой день, когда было закрыто практически все: администрация находилась на

прополке капусты. Каждый устраивающийся на работу в «Слушовице» должен иметь в виду, что, какую бы должность он ни занимал, сельское хозяйство может потребовать его труд в любой момент. В период уборочной отпуск не предоставляется никому.

Сельскохозяйственное производство здесь на высочайшем уровне, а подсобные отрасли: научная программа по развитию биотехнологии, производство сельхозмашин, которое заполняет пробелы в ассортименте, сельскохозяйственная химия, компьютеры,— все имеет глубокий смысл в масштабах общества.

Есть и еще один секрет. «В «Слушовице» прекрасная организация труда и последовательное внедрение хозрасчета основаны именно на человеческом факторе. Поэтому здесь не страдают болезнью, известной под названием «не хватает рабочих рук». Люди хотят работать здесь, а ЕСК не может принять всех желающих.

Одна из причин — программа социального развития кооператива, которая предусматривает для всех членов (в том числе и бывших, ныне находящихся на пенсии) преимущества, каких нигде не встретишь. Начиная с богатого выбора туристских путевок за границу и кончая ежеутренней доставкой молока и свежего хлеба на дом. Несколько страниц потребуется для перечисления услуг, оказываемых членам кооператива. Мне кажется, людей притягивает сюда труд, исполненный смысла, и прямая зависимость между трудом и вознаграждением. Полный хозрасчет и продуманная организация труда ведут как раз к тому, что каждый работник лично заинтересован в наилучших результатах.

Как «Слушовице» использует человеческий фактор, узнаю и от двадцатисемилетнего инженера Любоша Грепла, который заведует брненским центром ЕСК по интеграции. Несколько лет назад он пришел в «Слушовице» и прошел все ступени, необходимые для того, чтобы новичок познакомился с производством и испробовал свои силы, пока не найдет такое место, где его способности получат наиболее полное приложение. Пройдя все ступени, Грепл получил личный кабинет в Брно. Сначала Любош работал совсем один, и никому никогда не приходило в голову позвонить и проверить, на месте ли он. В расчет берутся результаты и только результаты. Кажется необычным такое доверие к молодому специалисту. Но здесь знают — доверие рождает высокую ответственность.

Человеческий фактор упомянул в разговоре со мной и Радек Бенда, 29-летний председатель организации Социалистического союза молодежи (ССМ). Радек жаловался, что проведение молодежных мероприятий в кооперативе, разбросанном по 17 населенным пунктам,— дело нелегкое. В организацию входит 250 членов, и делится она по территориально-отраслевому и производственному признакам. На практике это означает, что на одном участке могут быть лишь два члена ССМ. Несмотря на это, здесь, например, действует «Прожектор молодых». «И такое возможно в «Слушовице»?» — удивился я. Радек Бенда ответил: «Вполне возможно. «Прожектор» следит за соблюдением производственной дисциплины, бережливым отношением к материалам... Есть и резервы, может, меньше, чем в других местах, но все-таки есть». В отличие от многих молодежных вожаков, с которыми я вел подобные беседы, Радек ни словом не обмолвился о недостатке понимания и поддержки со стороны руководителей хозяйства. Достаточно сказать, что его кабинет находится посередине между кабинетом председателя ЕСК и парткомом. Но я все же спросил об отношении к молодежи. Радек ответил, что от членов союза многого ждут в кооперативе: трудовой инициативы, бригадной помощи во время страды. «Если подсчитать, получится, что мы даем не

ВРЕМЯ В ЦВЕТЕ

Карола КРЕТЧМАН, редактор журнала «Нойес лебен» (ГДР)

Молодежная мода! Как трудно сказать, что это такое! Сегодня она одна, завтра другая, послезавтра уже не имеет ничего общего с тем, чем была вчера. Смешение стилей, яркие цвета, необычные силуэты. И — короткая жизнь, жизнь бабочки: мода-однодневка, мода, бегущая в будущее...

Молодежная мода в наступлении. Она расширяет свои владения. Вчера это были основные предметы одежды: куртки, джинсы, брюки, юбки. Потом к ним прибавилась обувь: кроссовки, туфли на «липучках»... Головные уборы. Длинные цветные шарфы. И масса мелочей, которые создают стиль,— клипсы из пластмассы и кольца на запястье, прозрачные шарфики вокруг шеи и «молнии»-застежки на каждом из карманов куртки-«аляски». Появился и молодежный магнитофон — плейер. И молодежный вид транспорта — мопед...

Кто конструирует и производит все эти вещи! Союз свободной немецкой молодежи проводит в ГДР кампанию под названием «Модные вещи для молодежи!». Один из девизов этой кампании — «Мы — сами для себя!». Это значит, что союз поддерживает и оказывает помощь тем молодым художникам, дизайнерам и инженерам, которые стараются разработать и внедрить на своих предприятиях товары, пользующиеся спросом у молодежи.

«Ну, как тебе нравятся эти часы! — писал журнал «Нойес лебен», рассказывая об одном из таких товаров.— Уже в этом году ты сможешь купить их!» Это — коллекция из 125 моделей и вариантов, разработанная для молодежи на часовом заводе в городе Руле. Коллекция называется «Время в цвете». Треть всех часов, которые производятся в Руле для внутреннего и международного рынков,— отныне молодежные модели. Редактор «Нойес лебен» Карола Кретчман взяла интервью у того, под чьим руководством возникла и набрала силу идея молодежных часов: Бернда Штегмана, главного дизайнера предприятия, 39 лет, отца троих детей...

«Нойес лебен»: Это здорово, что на вашем предприятии была разработана коллекция часов специально для молодежи! Часы для детей существуют уже давно. А часы для взрослых часто чересчур солидны для подростка...

Б. Штегман: Чем традиционно всегда были часы? Прибором, показывающим время. Ни меньше и ни больше. А сегодня часы становятся атрибутом моды. Для молодежи важно, чтобы часы цветом и формой соответствовали одежде. Молодые люди хотят иметь часы с модным дизайном. Популярен спорт, здоровый образ жизни, аэробика, брейк — соответственно популярны и спортивно ориентированные модели. Большинство покупателей хотели бы купить необычайно плоские часы. Это тоже новшество, ставшее возможным после того, как в часовую промышленность пришла микроэлектроника. Часть нашей молодежной коллекции не имеет на циферблатах цифр и штрихов — это шикарно выглядит и очень многим нравится. Короче говоря, молодежь хочет иметь не вообще часы, а часы для себя.

«Н. л.»: И вы, и члены вашей дизайнерской группы, конечно, молоды, но все-таки уже далеко не подростки. Откуда вы знаете, что именно хотят купить молодые люди от 14 до 25 лет?

Б. Ш.: Я думаю, вовсе не обязательно самому быть очень молодым, чтобы выдумывать вещи для молодежи. Но нужно чувствовать, откуда дует ветер. Молодежь сама создает свою моду, свой стиль. Например, надписи. На майках, на целлофановых пакетах, на значках, на спинах курток. Почему не на циферблатах?.. Если дизайнер умеет предчувствовать моду, ему необязательно каждый день расспрашивать подростков о том, что они хотят иметь. Хотя иногда и это не помешает. Некоторые идеи я обсуждаю дома с моей

меньше, чем получаем от предприятия»,— утверждает Радек. ЕСК «Слушовице» выделяет своей организации ССМ 100 тысяч крон.

До сих пор встречаются люди, которые считают предприимчивость несовместимой с социализмом, а прибыль прямо-таки аморальной. Такие суждения еще живы, невзирая на постановления, в которых упор делается на развитие социалистической предприимчивости, невзирая на доводы рассудка, которые убеждают: противоположностью прибыли является убыток. Председатель ЕСК «Слушовице» инженер Франтишек Чуба, кандидат наук, имеет собственное мнение по данному вопросу.

— Мы стали известными благодаря определенным методам хозяйствования, которые должно иметь — и имеет — каждое предприятие. Пассивные методы не приводят к повышению прибыли, а значит, и не увеличивают национальный доход. Мы же стремимся создать такую систему хозяйствования, которая помогала бы основному — производству прибыли и тем самым увеличению национального дохода. Каждый, кто внедрит нашу систему хозяйствования, получит шанс значительно увеличить выход продукции минимум на 30 процентов в год, и прибыль — тоже на 30 процентов.

— И вы охотно делитесь опытом?

— Каждый, кто к нам приезжает, получает возможность увидеть все, что его интересует.

— И повторить у себя дома.

— Да, и повторить у себя дома.

Говорят, у Франтишека Чубы два хобби: управлять мощной машиной и управлять мощным предприятием. Второму увлечению он отдает несравненно больше времени. По его собственным словам, он годами работает по 12 часов в день и еще не надоело. Превосходный руководитель, он в курсе всех ключевых проблем не только своего хозяйства, но и всей чехословацкой промышленности, осведомлен о тенденциях развития передовых стран мира. Одним из секретов успеха «Слушовице» является как раз стремление председателя делать все на уровне лучших мировых образцов. Его вид и поведение также говорят о том, что перед вами менеджер высшего класса: уверенные манеры, великолепный костюм и великолепный автомобиль (предмет всеобщей зависти). Он похож на директора банка, а не на председателя кооператива. Но впечатление это обманчиво. Его отец был первым председателем первого кооператива в Готвальдовском районе. Чуба-младший не знал каникул во время учебы в сельхозтехникуме и сельскохозяйственном институте в Праге: летом — работа в поле, зимой — помощь отцу в кооперативе. Иначе нельзя было в годы, когда кооперативы еле перебивались. Мне кажется, что необыкновенное внимание к пенсионерам в «Слушовице» можно объяснить словами председателя: «Они сделали основное — научили людей совместному труду. А мы пришли на готовое».

Четверть века назад ЕСК «Слушовице» отличался от других кооперативов лишь тем, что имел плохие земли. Но зато хорошую концепцию развития и большую смелость и предприимчивость. Четверть века серьезнейшей целенаправленной работы и постоянного совершенствования методов хозяйствования неизбежно должны дать лучшие результаты, чем то же время, упущенное вследствие упрямого цепляния за не оправдавшие себя методы. В этом суть дела, как мне кажется. Когда я прочитал опубликованные в печати материалы XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ, то воскликнул: «Как здорово, что у нас есть предприятие — стратегическая модель ускорения на практике». Теперь в «Слушовице» начинается пятилетка открытых дверей.

Перевела с чешского Т. НИКОЛАЕВА

дочерью. Ей семнадцать. Иногда она выдает феноменальные по смелости идеи...

«Н. л.»: Но не бывает ли так, что ваши новые идеи наталкиваются на устоявшиеся способы производства?

Б. Ш.: Тут надо понимать одну вещь. Мы не делаем дизайн по принципу: «Мы создаем внешний вид, а до содержимого нам нет дела». Нет. Дизайн — это часть общего повышения качества. Мы, разрабатывая модель, по десять раз на дню говорим с инженерами и, что особенно важно, с технологами. Иногда мы узнаем, что придуманное нами вообще невозможно сделать. Но при этом мы раз от разу ставим под сомнение существующую технологию и готовим прорыв для будущих новых идей.

Например, сейчас модны часы из цветной пластмассы. Они не просто хорошо выглядят, они прочны и «держат» удар. Но наш поставщик, часовой завод в Веймаре, использовал технологию изготовления только хромированных корпусов. Нам пришлось довольно-таки долго агитировать и настаивать, прежде чем была введена новая технология. Я всегда говорю — дизайнер должен немножко быть агитатором новых форм и идей. Или возьмем историю с ремешками для часов. Ведь наши часы воспринимаются не сами по себе, а в комплекте с ремешком. Желая найти поставщиков, способных создавать ремешки модных расцветок, мы, дизайнеры, сами объездили фабрики, изготовляющие кожаные изделия. И нашли, что искали.

Вообще, фраза «Этого сделать нельзя!» — алиби, чтобы не работать. Такой фразой просто создают себе комфортную жизнь.

«Н. л.»: Это относится и к отношениям с торговлей?

Б. Ш.: Еще бы! Мы натолкнулись на предубеждение торговли, когда впервые предложили нашу коллекцию «Время в цвете» на оптовую ярмарку. Были куплены двадцать тысяч часов. Всего-то! А ведь в ГДР четыре тысячи часовых магазинов. Это значит, в среднем каждый получил пять штук на полгода торговли. Разве это соответствовало реальному спросу? Мы не могли в такое поверить. Тогда мы перешли в наступление. Мы организовали пробную продажу в универмаге на Александерплац в Берлине, а Институт по исследованию рынка провел для нас опрос покупателей. И что же? Сенсационные цифры, потрясающие результаты! Мы оказались правы. Мы ознакомили торговых работников с результатом пробной продажи. С тех пор проблем нет...

«Н. л.»: Если обнаружится, что та или иная модель не находит ожидаемого спроса, то...

Б. Ш.: ...мы снимаем ее с производства. Но те модели, которые будут иметь повышенный спрос, перейдут в коллекцию следующего года. Мы не настаиваем на новинках, мы их предлагаем. В новом деле особенно нужна гибкость.

«Н. л.»: Говорят, у вас появились новые наборы...

Б. Ш.: Мы опробовали их на Лейпцигской осенней ярмарке, и вышло отлично. Наверняка публика будет в восторге. Мы сейчас готовы дать два набора украшений. Первый состоит из кварцевых часов, сережек, брошки и двух ремешков из пластика. Цветовые гаммы: бирюза, желтый, розовый, черный, белый или красный. Второй включает белые стеклянные бусы. Дочке я уже показывал. Она в восторге.

«Н. л.»: Но вернемся к часам. Как вы представляете себе часы двухтысячного года?

Б. Ш.: Часы двухтысячного года? Гм... Трудно сказать. В 1985 году я участвовал в международном семинаре на эту тему в Ереване. Представители часовых заводов и фирм подготовили солидные доклады, потом была дискуссия... Но знание нынешнего дня все-таки не дает знание завтрашнего. Будущее — всегда тайна. Можно, конечно, попробовать пофантазировать. Думаю, новые технологии приведут к новым решениям и в области дизайна. Традиционные часы с помощью микроэлектроники будут выполнять и новые, неизвестные сегодня функции, что отразится и на их форме тоже. Кое-какие линии развития уже прорисовываются. Ну, например, часы измеряют пульс. Или часы — банк полезной информации: номера телефонов, расписание поездов, температура тела. На дизайн может повлиять, например, не круговой, а линейный показ времени...

Но мода, мода! Ее предсказать нельзя. А вдруг завтра снова станут популярны жилетки и дедушкины часы-«луковицы» на цепочке?

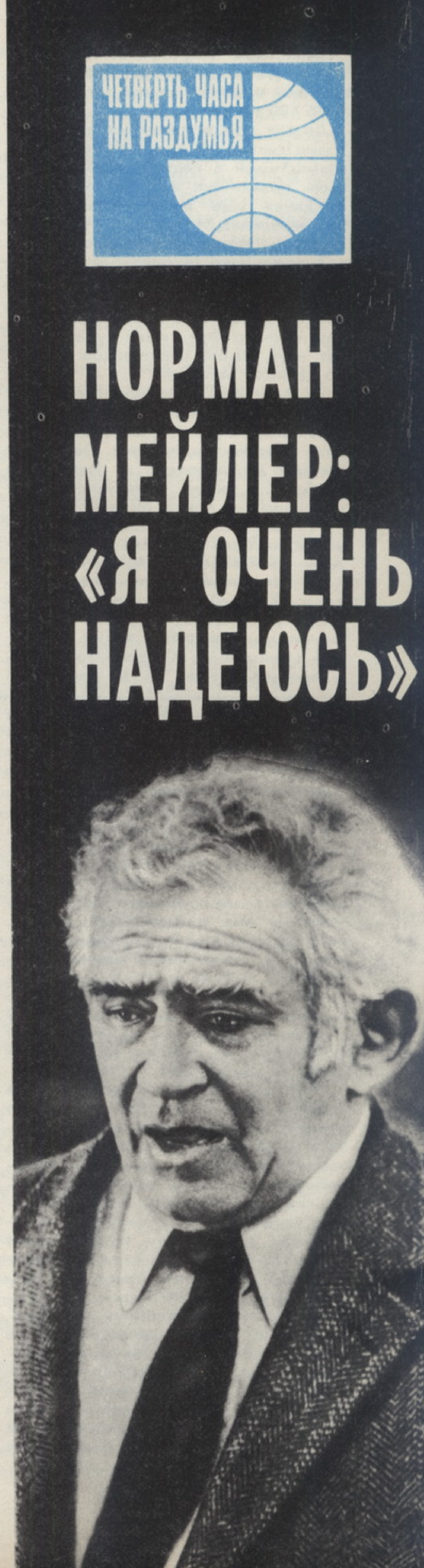
Перевел с немецкого А. ГАЛИН

Короткие жесткие седые волосы, оттопыренные уши, натренированная фигура преуспевающего человека (я вспоминаю, что когда-то он боксировал с самим Мохаммедом Али, пусть это не было профессиональным поединком, а только дружеским боем, но все-таки боем), чистые голубые глаза совсем молодые.

В годы второй мировой войны служил на флоте на Тихом океане. О войне его первый роман «Нагие и мертвые», об армии США, о жестокости и насилии, об унижении достоинства человека. Им написаны романы «Берег варваров», «Олений парк», «Американская мечта». «Зачем мы во Вьетнаме?» — блистательная сатира на американский образ жизни. В шестидесятые он участник движения против войны во Вьетнаме, публикует антивоенный роман «Армии ночи», сатирические документальные репортажи о выборах президентов США «Майами и осада Чикаго».

Норману Мейлеру шестьдесят четыре, он давно знаменит — один из самых читаемых американских писателей, автор произведений, вошедших в историю современной литературы.

НОРМАН МЕЙЛЕР: «Я ОЧЕНЬ НАДЕЮСЬ»

— Мистер Мейлер, в нашей стране многие читали «Нагие и мертвые», «Майами и осада Чикаго» — они переведены на русский. Возможно, скоро мы прочтем вашу книгу о Советском Союзе. Связан ли ваш приезд к нам с творческими планами?

— С творческими планами связаны все впечатления писателя. Я приехал в Советский Союз из любопытства.

— Ваше любопытство удовлетворено?

— Настоящее любопытство вообще невозможно удовлетворить, тем более если речь идет о такой стране, как Советский Союз для американца.

Каким увидел Советский Союз американец Норман Мейлер!

Нет, не эта тема становится главной в нашей беседе. Мейлер говорит о том, что, по его мнению, более важно,— каким представляет Советский Союз средний американец.

И тут неминуемо возникает проблема антисоветизма в Америке. Советскому человеку трудно понять, почему такое дикое, невероятно искаженное представление об СССР — агрессивная держава, наращивает вооружения, стремится к мировому господству — широко распространено в США.

Почему многие политические деятели, сотрудники различных государственных ведомств носят свой антисоветизм как почетную награду! Почему такое несомненное для нас заявление — «русские такие же люди, что и мы, американцы» — многих повергает в шок, а другим кажется открытием, достойным Нобелевской премии. Вспомните, сколько шума наделала песня английского певца и композитора Стинга «Русские», где говорилось, что русские не хотят войны.

Советскую действительность американские средства массовой информации порой представляют в столь далеком от правды виде, что нам трудно поверить, что кто-то способен воспринимать такое всерьез. Но как бы то ни было, антисоветизм в США в самых разнообразных формах, карикатурных и «научных», «теоретических» и практических, так или иначе формирует отношение американцев к советским людям. Это гораздо больше, чем инстинктивная неприязнь, это образ мышления, накладывающий свой отпечаток на политику, экономику, культуру, бытовое сознание. На практике это выглядит так. Человек хочет сделать политическую карьеру и для этого афиширует свой антисоветизм. Или: успех любого предложения, поступающего на рассмотрение в конгресс, может быть гарантирован утверждением, что оно невыгодно Советам.

Такие кинофильмы, как «Рэмбо», «Красный рассвет», «Вторжение — США», «Белые ночи» и многосерийная «Америка» (и это лишь несколько примеров),— словно галерея кривых зеркал.

Можно бы и пошутить, сравнив американца с испуганным ребенком, слушающим страшную сказку. Действительно похоже, но шутить не хочется. Увидев себя в кривом зеркале, мы удивимся — какое странное зеркало. Но есть американцы, для которых это отображение «Советов» единственное, других они не знают.

В такой ситуации обыкновенное любопытство, проявление симпатии к Советскому Союзу, его людям, культуре, интерес к мирным предложениям Советского правительства часто бывают восприняты как антипатриотизм и антиамериканизм. Вот такая тема возникла из вопроса, каким представляют Советский Союз средние американцы.

Норман Мейлер предвидит, как встретят его в США.

— Я с неудовольствием думаю, что, когда вернусь в США, мне в лицо пихнут микрофон: «А, мистер Мейлер!» И дадут почувствовать, что я полный кретин.

Все эти сорок лет после второй мировой войны нас пичкают самыми невообразимыми историями о Советском Союзе. «Заслуга» средств массовой информации в том, что средний американец абсолютно уверен, что СССР «империя зла». Негативные определения Советского Союза в разные времена бывали разными, но суть их не менялась.

Правда, я помню время — в годы второй мировой войны,— когда средства массовой информации говорили совсем обратное: какие чудесные русские, какие мужественные и сильные. Нас, американцев, восхищали победы Красной Армии над фашистскими генералами.

И вдруг все перевернулось вверх ногами: нас стали убеждать, что советское руководство намерено захватить мир. Но в те годы, сразу после разгрома фашизма, мы понимали абсурдность таких утверждений: симпатии, которые мы испытывали к России, когда вместе воевали, были еще живы.

Помню, в сорок шестом или сорок седьмом году я разговаривал с одним правым политиком: «Почему вы думаете, что русские намерены снова воевать? Они истощены, у них разруха, у них нет атомной бомбы, ничего нет. Неужели им снова захочется в бой?» Он сказал: «Самое время это узнать».

Да, к сожалению, потребность во «враге» внешнем или внутреннем всегда была нужна правящим классам Соединенных Штатов: такой выдуманный «враг» как бы оправдывал в глазах граждан агрессию в Корее, на Кубе, во Вьетнаме, на Гренаде, в Ливии, тайные войны против национально-освободительных движений и прогрессивных правительств, военную и финансовую поддержку диктаторских проамериканских режимов, строительство огромной сети военных баз по всему свету, экономический грабеж стран третьего мира. Ответственность за губительные последствия собственных действий ложилась на вымышленного «врага». Все, что плохо для США, на руку «врагу» или дело его рук, и с ним надо бороться.

Казалось бы, такой наивный, невообразимо узкий взгляд на сложные политические и экономические отношения немыслим в ядерный XX век. Тем не менее он приобрел в Соединенных Штатах столь широкое распространение, что некоторые американские исследователи расценивают его как одну из ведущих концепций американского общества, называя ее «идеологией вражды».

Социалистический мир и особенно Советский Союз и стали этим вымышленным, но таким необходимым для политики империализма «врагом», а «советская угроза» извне и «заговор красных» изнутри — удобным методом запугивания. «Обнаружив» очередную «советскую угрозу» или «раскрыв заговор красных», можно заручиться поддержкой избирателей для увеличения расходов на оборону, создания новых видов вооружений, торпедирования существующих с СССР договоренностей, мешающих гонке вооружений. Антисоветские настроения — это гарантия доходов военно-промышленного комплекса.

— Сценарий советской действительности,— говорит Норман Мейлер,— состряпан в давней и чудовищной традиции: СССР — «империя зла», и все тут. Какой смысл в таком утверждении? Все прошедшие десятилетия этот сценарий хранил абсолютный иммунитет к любым переменам в Советском Союзе.

Отсюда огромные беды. А тем временем военно-промышленный комплекс становится все более могущественным, живет за наш счет и разоряет страну.

В 1984 году, как утверждает служба опроса общественного мнения Даниела Янкелевича, большинство американцев считало, что «Советский Союз, агрессивная страна как в военном, так и в идеологическом плане, постоянно ищет слабые места в обороне США, истолковывает каждый примирительный и дружеский жест как проявление слабости, не выполняет обещания, нарушает договорные обязательства и вообще старается взять верх над нами на переговорах, занимая неуступчивую позицию».

В 1987-м, по данным опроса службы Янкелевича, картина несколько иная: американское общество склоняется к прагматическому подходу к СССР, который можно выразить словами: «живите сами и дайте жить другим». «Американцы по-прежнему не доверяют Советам, но расценивают ситуацию сугубо утилитарно: даже если Советский Союз нам не нравится, с ним нужно как-то ладить».

— Я уверен,— говорит Мейлер,— политика, которую ведет Советский Союз, должна повлиять на застоявшееся американское общественное мнение. Советская действительность меняется, и, наблюдая происходящие в СССР перемены, американцы постепенно будут менять и свои взгляды. Правда, они лишатся своего главного «врага», той «империи зла», в существовании которой их убеждали все эти сорок лет. Но, думаю, эту «потерю» они перенесут без труда.

Новое мышление и гласность завоевывают симпатии прогрессивного мира. Дойдут они и до среднего американца: он сможет побороть отрицательный рефлекс на Советский Союз, который действует в нем сейчас. Политика СССР меняет распределение ролей в сценарии международных отношений последних десятилетий. Придется отказываться от представлений, которыми наше невежество заполнило наш мозг, и приближаться к тому, что есть на самом деле.

Меня интригует происходящее в вашей стране. Я изучал историю СССР. Возможно, нынешние перемены в чем-то похожи на те, что происходили после Октябрьской революции. Мы знаем, все революционные перемены встречают противодействие. Не обойдется без противодействия и начавшийся процесс расширения советской демократии. То, что я увидел у вас, убеждает — как и в семнадцатом, страна снова вступает в интереснейший период своей истории.

В США все иначе. Многие считают, что у нас ничего интересного произойти уже не может. Не успело зародиться что-то новое, например, в искусстве, как за него хватаются средства массовой информации; в свете юпитеров молодые дарования в один миг превращаются в знаменитости. А раз знаменитость — надо не расти, а сохранять уровень, понравившийся публике. И так везде.

У нас любят говорить: демократия в Америке — игра без правил: пусть все человеческие добродетели и пороки — любовь, жадность, зависть, добро и зло — воюют между собой. Победит сильнейший. Тем и движется общество. Вот так просто. Суть нашей великой американской революции — дать каждому свой шанс, и пусть отвоевывает свое место под солнцем. Перед русской перестройкой стоит другая задача — улучшить жизнь всех и каждого.

Я верю, Советский Союз искренне хочет прекратить ядерную конфронтацию между нашими странами, конфронтация парализует движение вперед обеих стран. Я считаю, США должны наконец осознать, насколько дорого обходится им самим политика конфронтации. Мы разоряем друг друга. Нагнетается страх, многие считают, что Америка идет к войне. Пора нам откровенно признать, что источники страха в политике конфронтации.

«Советский Союз искренне хочет прекратить ядерную конфронтацию...» Я выслушал эти слова, сказанные Норманом Мейлером, не задумываясь, как само собой разумеющееся, как аксиому, известную от рождения. Но Норман Мейлер родился и вырос в США, где данная аксиома не признана, а заявляющие о ней предаются анафеме. Американские специалисты-советологи, которые по долгу службы обязаны разбираться в советской действительности, не рискуют открыть своему обществу глаза — Советский Союз не хочет войны, он заинтересован в сохранении мира. Советологи предполагают, и не без основания, что подобное мнение будет воспринято как наивное или просоветское.

Ведь даже сторонники мира в большинстве своем, мало зная о Советском Союзе, часто не верят в искренность советских мирных инициатив, разделяют неприятие советской действительности, которое внушается широкой общественности средствами массовой информации, они порой тоже готовы обвинять СССР в самых тяжких грехах, ничего не зная о советской политике.

Помню, как в 1983 году прочел о том, с каким удивлением и недоверием в США восприняли двадцатиминутный документальный фильм о Советском Союзе американского режиссера Игоря Девяткина, в котором обыкновенные советские люди говорили обыкновенные вещи: «Мы хотим мира». И многие американцы посчитали фильм антиправительственной пропагандой.

По-прежнему просветительская деятельность, касающаяся правды о Со-

ветском Союзе,— удел отдельных личностей и небольших организаций. Между тем антисоветизм, то есть незнание Советского Союза и нетерпимое отношение к нему, остается одной из главных причин, почему до сих пор политика «холодной войны» не встречает серьезного сопротивления в американском обществе.

Движение сторонников мира пытается совместить несовместимое: выступает против последствий «холодной войны», не затрагивая ее предпосылок; требует сокращения расходов на оборону, не доверяя миролюбию Советского Союза. В этой ситуации проявляется самая коварная форма антисоветизма — отметаются как пропаганда реалистические предложения Советского Союза.

И все-таки какой-то сдвиг уже наметился. Самым грандиозным событием в истории современного антивоенного движения в США стал Великий марш мира Лос-Анджелес — Вашингтон. Начинался он, как и все подобные акции раньше, рука об руку с антисоветскими настроениями, но вылился в акцию поддержки советской мирной инициативы о прекращении ядерных испытаний.

— Я считаю,— говорит Норман Мейлер,— ядерную конфронтацию не остановить, пока американцы не освободятся от иллюзии, что Советский Союз — «империя зла». Производство ядерного оружия не прекратится (даже если всем американцам искренне этого захочется), пока будет существовать мнение, будто Советский Союз имеет тайные замыслы против будущего Америки, а дешевые политики по-прежнему будут произносить марионеточные речи, как произносили их все эти сорок послевоенных лет.

Норман Мейлер не считает себя ни просоветски, ни антисоветски настроенным, он считает себя реалистом. Его беспокоит, что Америка до сих пор носит на глазах антисоветские шоры. Писатель считает, что только принципиально новое мышление может помочь обрести безопасность, построенную на экономических отношениях, а не на идеологической и военной конфронтации.

— Я писатель и верю в лучшее. Я верю, что 2000 год приведет нас к магическим переменам. Тайно в душе каждого из нас живет великая вера, что к 2000 году мы освободимся от угрозы войны. Я имею в виду программу разоружения, предложенную Михаилом Горбачевым. Я очень надеюсь.

Записал В. СИМОНОВ

В Ереване впервые прошел двусторонний семинар КМО СССР и Европейского союза молодых христианских демократов, тематика которого была предельно широка: проблемы мира и разоружения, европейской безопасности, молодежного сотрудничества, положения молодого поколения в современном обществе. Для «Ровесника» сам факт достоин внимания — ведь это была попытка найти общий язык, понять друг друга людьми, столь разнящимися во взглядах на мироздание! И это попытка, достойная времени, доказывающая еще раз крайнюю необходимость отнюдь не примирения, но трезвого диалога перед лицом опасности для всего человечества. Известно также, что Европейский союз молодых христианских демократов провозглашает борьбу против войны одним из принципов своей деятельности. Короче, «Ровесник» командировал меня в Ереван.

Я рассчитывала всего лишь на репортаж по поводу полезности подобных встреч. Но события повернулись так, что оказался нужен более подробный комментарий, за которым я обратилась к диакону Геннадию Героеву, представлявшему на встрече Русскую Православную церковь.

Корреспондент: Был ли вам интересен разговор на встрече в Ереване?

Г. Героев: Я знаю, что вы имеете в виду, и готов сейчас обсуждать это.

Корреспондент: Диалога, каким он мог бы быть, не получилось. Почему? Вот, собственно говоря, тема нашего разговора. Формальный же повод обращения к вам состоит в том, что мне, как и другим журналистам различных изданий и радио, приготовившимся к интервью или к пресс-конференции, было официально отказано в этом руководством Европейского союза молодых христианских демократов. Те из них, кто говорил со мной вопреки запрету, все же не дали мне полной ясности. Требуется взгляд «заинтересованного наблюдателя». Вы были ближе, чем я, к «очагу напряженности» на этом семинаре, а кроме того, как представитель духовенства компетентны и вправе судить о нем. Это не моя, а ваша епархия!

Г. Героев: Может быть, вы и правы. Начнем, однако предупреждаю, что я не вижу полной неудачи. Все-таки встреча произошла! Все-таки была попытка. Другое дело, что обсудить ее надо непременно — и обеим сторонам.

ЖИЗНЬ

Фото Э. БАСИЛИЯ

Интервью диакона Геннадия ГЕРОЕВА нашему корреспонденту Нине ЧУГУНОВОЙ

СВЯЩЕННА

Корреспондент: Начнем. Скажите, пожалуйста, кто вы, чем занимаетесь и в каком качестве участвовали в ереванском семинаре?

Г. Героев: Итак, я Геннадий Героев, студент Московской духовной академии, первый курс. Мой духовный сан — диакон. Мне двадцать восемь лет. Прежде я закончил Университет имени Патриса Лумумбы, Загорскую семинарию. Знаю французский, португальский. От Московской Патриархии в Ереван были командированы двое — мой однокурсник Андрей Рыбин и я. Мы были всего лишь приглашенными, гостями, наблюдателями. Разумеется, мы чрезвычайно польщены вниманием Комитета молодежных организаций СССР — уже не в первый раз представители христианской молодежи Русской Православной церкви получают подобное приглашение.

Корреспондент: Насколько мне известно, сама встреча не имела прецедента.

Г. Героев: Считаю необходимым сообщить, что ни Андрей, ни я не были, несмотря на положение наблюдателей, ограничены в правах на этом собрании: мы свободно отвечали на вопросы, свободно включались в дискуссию.

Корреспондент: Почему вы специально это подчеркиваете?

Г. Героев: Западный журналист на вашем месте непременно бы коснулся проблем всякого рода притеснений Русской Православной церкви со стороны коммунистов и правительства. Я это знаю по опыту. Вот почему так сказал.

Корреспондент: Положение церкви в нашем государстве — это интересная, но отдельная тема. В данном случае — не наша с вами.

Г. Героев: Согласен. Впрочем, запомните этот момент нашей беседы — он, думаю, послужит маленькой иллюстрацией вскоре.

Корреспондент: Мой следующий вопрос: кроме того, что вы были польщены приглашением, были ли вы действительно заинтересованы в пребывании на этой встрече? Если да, то на чем основывается эта заинтересованность, в чем состоит «решающий момент», определивший ваше участие?

Г. Героев: Чрезвычайно заинтересован! Встречаются марксисты и христиане чтобы обменяться взглядами на сохранение мира.

Корреспондент: Этот факт вас привлек?

Г. Героев: Этот факт привлек. Более же всего привлекла возможность познакомиться с такой организацией, как Европейские молодые христианские демократы, узнать об их взглядах. Встреча была организована с благороднейшими целями. Ее повестка: мир, взаимопонимание, доверие, поиск доверия... Для сведущего наша заинтересованность не может быть странной. Русская Православная церковь очень давно выступает на международной арене, участвует в различных религиозных совещаниях, особенно если они преследуют цели взаимопонимания, объединения, солидарности по наболевшим вопросам современности. Мы входим в «Синдесмос» (само слово греческое, означает единение, связь, а организация под таким названием — это объединение православной молодежи в международном масштабе). Нелишне напомнить вам, что Русская Православная церковь активно участвует в борьбе за мир, начиная с Первого конгресса сторонников мира, куда был послан от нас митрополит Крутицкий и Коломенский Николай Ярушевич. В этом отношении совесть наша чиста. Конечно, комсомольцы могут не знать того факта, что Русская Православная

церковь во время Великой Отечественной войны пожертвовала средства на создание танковой колонны «Дмитрий Донской», воздушной эскадрильи «Александр Невский». Но это ведь часть нашей общей истории, той истории, когда народ был един в жертвенном порыве освободить свою землю от захватчика и когда русская церковь была едина с народом!

Корреспондент: Эти факты говорят скорее о другом — о том, что в годы великих испытаний люди были о б я з а н ы освободиться от разногласий и неприязни во имя спасения. Что до единства с народом — не удержусь, чтобы не вспомнить о том, что были случаи и благословения оккупантов.

Г. Героев: То были отдельные священники, не выражающие позицию церкви. Увы, они жестоко ошибались. Многих постигло жестокое же раскаяние...

Корреспондент: Договоримся — во имя взаимопонимания! — не касаться ни теистических, ни атеистических проблем.

Г. Героев: Да, не будем касаться той заразы, что началась с Вольтера!.. Виноват. Впрочем, вам также придется примириться с тем, что у нас свой взгляд даже на те проблемы, по которым мы с марксистами «едины во взглядах».

Корреспондент: Ни на минуту не забывая, что мы с вами никогда не сойдемся во взглядах на мироздание, мы во имя мира готовы именно сейчас не обсуждать с вами атеистическую «заразу Вольтера». Протестовать против этого условия сотрудничества может только неумный либо сторонник войны, а не мира.

Г. Героев: Всецело вас поддерживаю! Кстати говоря, вот что именно и омрачало ереванскую встречу — постоянное скатывание гостей в неуместную полемику.

Корреспондент: Если вы согласны, мы еще вернемся к подробностям позиции молодых христиан в антивоенном движении — для нас это область неизнаемого, следовательно, интересно. Но прежде важнее всего обсудить эту «неуместную полемику».

Г. Героев: Когда мы ехали в Ереван, то заранее беспокоились, иными словами, почти наверняка предполагали сложности, которые возникнут в ходе заседаний.

Корреспондент: Марксисты — и христиане?

Г. Героев: Именно. Ведь существо дискуссий в нашем представлении такое: человек, назначение человека в мире, добро и зло... Для всякого ясно, что по любому вопросу имеются различные точки зрения.

Корреспондент: ...полярно различающиеся?

Г. Героев: В том-то и дело, что не всегда полярно! Была и есть возможность сблизить эти точки зрения, не меняя своих взглядов. Для всех прибывших на семинар, надеюсь, несомненно то, что жизнь человеческая священна... Надо было лишь приготовиться спокойно воспринимать различия. Скажем: почему жизнь человеческая священна?

Корреспондент: Приготовиться не замечать различий?

Г. Героев: Нет, именно спокойно воспринимать их, смотреть на них как на специфику встречи, а не как на препятствие к ней, не как...

Корреспондент: ...сигнал к атаке.

Г. Героев: Да. Но когда в первом же перерыве ко мне подошел один из демохристиан и спросил, указывая на молодых людей из КМО: «Они вам запрещают говорить?» — я понял, что...

Корреспондент: Вы увидели неприязнь, недоверие?

Г. Героев: Я заметил нервное ожидание столкновения, увы. Разумеется, не во всех. Например, вспоминаю, что один юноша, кажется швед, долго расспрашивал меня о различных религиях, исповедуемых в нашей стране, и его интерес был познавательный, отношение — доброе.

Корреспондент: Значит, вы ощутили опасность начинавшемуся диалогу со стороны европейских католиков? А со стороны организаторов встречи вы не заметили чего-либо подобного?

Г. Героев: Я потом назову, на мой взгляд, источник осложнений. А что касается ваших ребят, комсомольцев, знаете, были в них в самом начале излишний задор, напористость. И я понял: некоторые от души мечтали бы «дать отпор идейному противнику», что называется. Одолеть, опровергнуть, да и проверить свои способности «давать бой» в яростном споре. Было, было, что греха таить! Ребята, в большинстве своем политически подкованные и очень стремящиеся к политическим боям.

Корреспондент: Чувствую, вам этот задор показался неуместным.

Г. Героев: Отнюдь — естественным! Горячность видна была с обеих сторон. Как бы то ни было, а встретились лицом к лицу молодые представители различных идеологий. Но в Ереване важно было сориентироваться, собраться с духом... непривычное это дело.

Корреспондент: Непривычное? В феврале в Москве на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» работала отдельная религиозная секция, собравшая около 200 религиозных деятелей. Разве нет разногласий, разного толкования человечества и его целей у буддистской, индуистской, иудейской, мусульманской, синтоистской и христианской религий? Но участники религиозной секции все-таки продемонстрировали не только достаточно общий взгляд на самую больную проблему человечества, но и солидарность со всеми миролюбивыми силами, в том числе и коммунистами, по этому вопросу. В Москву прибыли общественные и политические деятели, отрицающие коммунистическую идеологию. Сейчас этот яркий пример не единственный — но это, может быть, самый лучший пример для молодежи, собравшейся в Ереване. Вот, цитирую приветствие форуму доктора Билли Грэма: «...я должен откровенно сказать вам, что в прошлом так называемыми мирными конференциями политические лидеры на Западе пренебрегали, считая их не более чем пропагандистскими попытками, организованными исключительно против политики Соединенных Штатов». Разве не есть эта фраза искренней демонстрацией настоящего «собранного» духа, сумевшего пересмотреть стереотипы? И далее: «Время истекает». Вот слова, сосредоточившие тревогу, вот «взрослый» тон!..

Г. Героев: Все правильно, я хотел лишь сказать, что каждый обязан сам пройти путь к совершенствованию своего понимания.

Корреспондент: Были ли с нашей стороны какие-либо выпады в пылу горячности?

Г. Героев: Нет. Организаторы были с самого начала настроены на получение результата, на итог. Они сумели не забывать об этом. Они усердно продвигали встречу вперед, к взаимопониманию. Им было не до баталий. Конечно, сказались и целеустремленность, и бо́льшая, на мой взгляд, подготовленность к встрече. Утверждаю, что с советской стороны, со стороны КМО СССР была продемонстрирована добрая воля. Дело стало за ответом на эту демонстрацию. И это было бы, как ни странным вам покажется, самым простым! Ведь, по сути, в основе международного права, во всех принципах, регулирующих сотрудничество, лежат именно христианские правила поведения личности.

Корреспондент: Правильнее будет сказать: общечеловеческие представления о гуманности. Прекрасно, если церковь поддерживает положения международного права...

Г. Героев: Пусть будет по-вашему. И все-таки идея сосуществования — часть христианской этики. Вот почему откликнуться на проявление доброй воли — христианское поведение. Вот почему такой отклик был бы самым простым, естественным поведением христианина. Вот что надо было постоянно помнить.

Корреспондент: Продолжайте: что вы увидели на заседаниях?

Г. Героев: Посудите сами — многие члены делегации молодых христиан настороженны, мало знают о Советском Союзе, а что знают, подчас есть отвратительная неправда. В этой ситуации трудно ли умышленно увести разговор, накалить страсти?

Корреспондент: Не могли бы вы привести пример того, как возникало отчуждение?

Г. Героев: Охотно, поскольку это также касалось и меня самого. Задается вопрос о свободе вероисповедания в СССР. Разумеется, встаю я, поскольку вопрос касается русской церкви. Начинаю отвечать — и вижу, что задавший вопрос демонстративно поднимается из-за стола и покидает зал! Он всем

своим видом показывает, что то, что я начал было говорить, есть-де не мое мнение, а то, что мне якобы «велено говорить». Я был оскорблен, тем более что мне было что сказать и тем более что я собирался высказывать мои личные соображения. Но они не понравились: задававшим вопрос они показались слишком лояльными!

Корреспондент: Вы же предвидели сложности. Думали ли вы о причинах?

Г. Героев: Причина конфликта в предубежденности. Предубежденность некоторых членов делегации молодых демохристиан основывалась, как я выяснил, на полном незнании нашей страны. Иные мыслят категориями, неприменимыми к нам. Здесь следует сказать о том, что многие общественные деятели Запада, действительно стремившиеся разобраться в нашей действительности, давно применяют другой подход. Сознание молодежи порой более статично... в силу необразованности либо предпочтения иметь раз и навсегда готовые суждения, которыми можно было бы легко оперировать в любой полемике... Нежелание духовно и умственно трудиться за этим стоит!

...Разговаривая с делегатами — кто они, как живут, как представляют себе дальнейшую жизнь,— я вдруг увидел среди них этаких, простите, сытых мальчиков.

Корреспондент: Вы не любите сытых мальчиков?

Г. Героев: Но вы ведь меня поняли, зачем же задаете этот вопрос? Я сожалею о людях, у которых не болит душа, ничем не занят разум, и они приехали в нашу страну инспектировать ее. Я вижу, знаю недостатки в моей стране. Но фраза: «Разве в Ереване существует аэропорт?» — кажется мне глупой, она меня огорчает. И я не могу ее потом забыть. Меня огорчает, что только по той причине, что Советское правительство придерживается политики мира и русская церковь также придерживается мира, Русская Православная церковь подвергается обвинениям в «прислуживании правительству». Не все, однако, нападки можно опровергнуть, не впав в раздражение. Я немного отвлекся.

Корреспондент: Минутку! У меня возник вопрос, который ненадолго нас отвлечет, но уж зато не уведет в сторону. Вы говорили, что были оскорблены как гражданин. И только что говорили как гражданин. Скажите, насколько лично вам была близка обсуждаемая на семинаре тема?

Г. Героев: Оба моих дедушки не вернулись с войны. В войну умерла, в молодые годы, моя бабушка, надорвавшись на работе в тылу. С детства я не знаю, что такое бабушки и дедушки.

Корреспондент: Я-то думала, что вас война так не задела и ваши дедушки не воевали...

Г. Героев: Воевали... А фамилия наша вообще уникальная. Мой прадед участвовал в русско-японской и отличился. Так у царя не нашлось для него медали либо ордена — и дед был награжден фамилией! Я ощущаю себя гражданином Отечества и надеюсь, что послужу на его пользу. И мне крайне противно несправедливое пренебрежение, высказываемое по отношению к моей стране. Это пренебрежение может выражаться в самых различных формах, и предубеждение — одна из них. Мы говорим о стереотипах восприятия советского человека и советской действительности, предполагая, что эти стереотипы сознательно формируются западной пропагандой. Но следует признать — тут я выступаю как лицо, смотрящее со стороны (поскольку церковь отделена от государства, что есть благо, не сразу оцененное церковью), либо как частное лицо,— итак, следует признать, что стереотип советского человека формировался также и вами, журналистами. Вы согласны выслушать упрек в свой адрес?

Корреспондент: Разумеется, иначе мы будем разговаривать не на равных.

Г. Героев: Надеюсь, что и опубликуете эту часть разговора?

Корреспондент: В противном случае вы упрекнете меня в устаревших методах работы.

Г. Героев: Да, это я и хотел сказать. Я-то вижу изменения, происходящие у нас. Но на Западе все еще не отвыкли встречать настороженно некоторые наши инициативы. Хотя это время прошло, его помнят, когда велеречивостью прикрывались недостатки и даже беды нашего общества. Вот и эти молодые люди приехали в первую очередь не как мирные христиане, но как «срыватели покровов». Они нам хотели указать на наши недостатки. Хорошо, что мы теперь способны сами сказать о них. Это происходит, но покамест замечено лишь действительно умными, стремящимися понять нас людьми за рубежом. Значит, требуется от нас большая настойчивость. Разумеется, когда я говорю: мы, то имею в виду советских людей и не различаю их по вере или безверию.

А мы с вами сами пример того, как сложно наладить диалог. Вспомните момент, возникший в самом начале беседы.

Корреспондент: Таких моментов, когда мы с вами «скатывались» к полемике, было, на мой взгляд, несколько. Теперь я ясно понимаю, что для диалога необходима не только способность воспринимать различия в позициях как должное, как специфику встречи, как неизбежное ее условие, но также что надо приготовиться выслушивать друг друга и — кое в чем соглашаться, несмотря на голос самолюбия. Я не имею в виду фундаментальные основы мировоззрений, но именно вопросы, которые могут задеть всего лишь самолюбие, не честь, не достоинство. Однако сейчас, судя по всему, возникает возможность обсудить позицию православной церкви в антивоенном движении.

Г. Героев: Она проста. Войны не должно быть.

Корреспондент: Но церковь благословляла войны.

Г. Героев: А вот это очень важный вопрос, и хорошо, что вы его задали. Христианское отношение к войне. Я не знаю ни одного служителя церкви, который бы не осознавал опасности войны. Но есть важное обоснование современного отношения православной церкви к войне. Если до появления ядерного оружия можно было к вопросу войны применять нравственные категории ее справедливости или несправедливости, а допустимость альтернативы «война или мир» не вызывала сомнений, то сегодня принципиальные изменения ситуации поставили человечество перед необходимостью качественного переосмысления проблемы, как с материальной, так и с богословской, и с нравственной точки зрения.

Вся история народов говорит о том, что миру или благоденствию всегда угрожала война. Но все войны рано или поздно завершались, и вновь наступали мирные времена. Да, войны были частью нашей жизни, хотя они и уносили жизни людские. Но ужасающая картина ядерной войны, которая может разразиться, не оставляет человечеству никакой надежды. Никто не сможет применить категорию справедливости по отношению к ядерной войне, которая грозит нам. Некому будет! Некому будет осудить кровопролитие — пролитие священной человеческой крови! — и отыскать виновного. Некому будет отыскать виновного и назвать для потомков истинную причину и повод к войне, что всегда было задачей историка. Ибо: не будет человечества и потомства его.

Корреспондент: Некоторые ученые все же предполагают, что выжившие в войне будут.

Г. Героев: Трудно даже представить ад, который поселится в их душах, не говоря об аде, в который будут погружены их тела!

Корреспондент: Вернемся к молодым демократическим христианам Европы. Как на ваш взгляд: первый контакт состоялся — а дальше?

Г. Героев: А дальше — новые усилия. Разговор о мире — не каприз, не шутка, не временная кампания.

Корреспондент: Спасибо.

ДАХАУ — ЙОХАННЕСБУРГ

Андре БРИНК,
южноафриканский писатель

Я начал мое путешествие с Дахау. Знаю, знаю, Дахау — это же всем известно. Кто же об этом не слышал? Кто же хочет, чтобы ему напомнили об этом еще раз? И разве все, что об этом можно сказать,— уже не сказано?

Все сказано. Ничего не сказано. Из одного того, что о гитлеровском концлагере Дахау сказаны и написаны миллионы слов, можно заключить — что-то так и останется невыраженным. Дахау — это столкновение с непостижимым, обморок языка. Есть области души и аспекты опыта, которые ускользают от хватки языка. Эти вещи так болезненно близки людям, что мы не способны изгнать их словами из души.

Вот о чем я думаю: узникам Дахау под угрозой строжайшего наказания было запрещено оставлять малейшую царапину, следы или надписи на стенах, столах, нарах, на земле или на рабочем инструменте. Какой удар по самой сути человека — запретить оставлять следы, свидетельствующие о жизни, тогда как именно такие следы сделали человека человеком! Какой удар — запретить само желание выразить себя, сказав: «Я живу. Я здесь. Я был здесь». Желание существовать за границами собственного Я. Словом. Надписью. Делом.

И это вполне понятно: эсэсовцы запрещали оставлять надписи, потому что вся организация была нацелена на то, чтобы искоренить слово и отключить язык. Но вот нечто похожее. Когда недавно южноафриканскому кинорежиссеру Мани ван Ренсбургу запретили снимать фильм о Стиве Бико [1], он сказал: «Ну, тогда вы должны уничтожить все то, о чем не разрешено говорить».

А сегодня в Дахау, несмотря на обилие запретительных табличек, можно видеть на стенах надписи нашего времени — они похожи на темные пятна на коже зачумленного. Почему так много людей испытывают столь отвратительное желание нацарапать свое имя и провозгласить тем самым: «И я был в Дахау»? Но самое ужасное другое: свастика, вырезанная на столе в одном из реставрируемых бараков. Дата под ней: 28.6.86.

Я спрашиваю себя, не подобна ли земля в этом месте — сама земля, посыпанная серой щебенкой, тщательно расчерченная на прямоугольники — фотографической пластинке, запечатлевшей агонию, которую не способны выразить слова?

Давящий простор царит на этой территории, удивительная прямота линий. И при этом, как мы знаем из свидетельств очевидцев, одним из самых мучительных аспектов жизни в Дахау было то, что здесь согнали в кучу бесчисленное множество людей. Удушающая теснота. Неизбежность давки. Один барак заслонял свет другому. Громоздящиеся друг над другом нары. Тела над телами. Хриплое дыхание. Грязь. Но сегодня Дахау производит впечатление простора — зияющая пустота, какой я нигде никогда не видел. В этой пустоте человек обречен на одиночество; каждый шаг отдаляет от других людей и отдается болью в окаменевшей пустыне.

В музее лагеря бреду от стенда к стенду. Вот «невинное» еще начало. Потом все увеличивающееся ожесточение. Потом кошмар. Фотографии, орудия пыток — все это едва можно вынести. Но никуда не денешься. Отвернешься, чтобы, стоя у окна, подавить подступающие слезы, а оно вот, вот оно вокруг: место опыта, называемое Дахау. Простор и тишина, непроницаемые для языка. Это здесь. Сам стою посредине. Окруженный криком, который не может услышать никто. На лагерных воротах кто-то написал по-английски: «Вам не стыдно?» Это не трогает. Никак. Под этим по-немецки выцарапан ответ: «Нет». Тоже не трогает. Паралич души. Отупение чувства.

«У меня родственники в Южной Африке,— делится со мною дама, у которой я покупаю симпатичную маленькую фигурку из слоновой кости.— В Йоханнесбурге. Недавно получила от них письмо. Уверяют, что условия там вовсе не так плохи, как мы здесь думаем».

В Дахау на одной из фотографий — приговоренный к смерти узник идет к виселице в сопровождении других узников, которые играют ему на скрипках, губных гармониках... Это напоминает мне о той роли, которую играла музыка в распространении святых истин национал-социализма. О массах людей, поющих во все горло. О поющих детских толпах. О шумовом фоне, который подавлял ужас и одновре-

---

[1] *Стив Бико — один из лидеров прогрессивной молодежи ЮАР, замученный в полиции.— Прим. ред.*

Два лица Южной Африки. Ее надежда: белые и черные, объединяющие свои усилия в борьбе за нерасовое демократическое государство. Ее позор: сторонники системы апартеида.

менно опустошал душу. В Южной Африке правительство недавно субсидировало полтора миллиона рандов в поддержку «Песни мира», которая должна исполняться смешанным хором, для подъема настроения у масс. Музыка по приказу. Пойте, когда вас казнят!

«Ну, и как жизнь в Южной Африке?» — осведомляется дружелюбная дама. «Прекрасная страна,— отвечаю я,— но ее политика доведет ее до катастрофы».— «Вот как?! — Она задумчиво морщит лоб.— Я слышала об этом.— Ее физиономия проясняется.— Да вы не волнуйтесь! Через несколько недель беспорядки кончатся. Такие дела не длятся долго».

Немецкое слово, обозначающее место вроде Дахау,— «лагерь». У нас в Южной Африке есть и собственное, незаимствованное представление о концентрационных лагерях: поселки, куда выезжают на ночь черные, допущенные к работе в белых городах. Их четыре миллиона. Их изгнали с земли, на которой они жили, чтобы таким образом на практике осуществить доктрину апартеида, обеспечить «чистоту» белой расы.

Конечно, если сравнивать с Дахау, люди из поселков обладают определенной степенью свободы. Они ездят из своих лагерей на работу. Но остаются заборы из колючей проволоки и вооруженные охранники, которые молоды, светловолосы и выбриты так же гладко, как когда-то эсэсовцы Дахау.

«Очень жаль,— говорит мне мужчина на почте,— но о Южной Африке я ничего не знаю. Честно говоря, она безразлична мне. У нас своих проблем хватает: ракеты, загрязнение окружающей среды, безработные. Южная Африка далеко. То, что там происходит, нас не касается».

Нюрнберг — город воды, дерева и камня. Даже само имя звучит как заглавие стихотворения, напоминая мне о волшебных вечерах на площади перед домом Дюрера. Островерхие крыши, зеленая листва под темно-голубыми небесами. Квартет играет Моцарта. И это тоже незабываемое ощущение: неожиданные звуки музыки на площадях, улицах, в переулках. Днем и ночью. Лишь в Бремене вмешались блюстители порядка — они запретили флейтисту играть. И он ушел с Бетхерштрассе.

Нюрнберг — древний имперский город, обезображенный банальностями фашистской власти, маскировавшейся под «культуру». Он должен платить теперь за гостеприимство, оказанное Гитлеру. Но в церкви святого Себальда кто-то перечеркнул табличку на колонне, напоминающую о преступлениях нацизма.

В Нюрнберге мы ищем жалкие остатки «третьего рейха» — места парадов и шествий, зал съездов, арену Луитпольда, площадь Цеппелина, стадион. Легко их не найдешь. Кажется, нам противостоит заговор молчания. Пешеходы, которых мы расспрашиваем на улицах, не знают ни о чем. Портье в отелях делают неопределенные жесты и бормочут: «Где-то там». Полицейский пожимает плечами. Даже в экскурсионном бюро ничего не узнать. Хорошенькая фрейлейн обижается на мой вопрос, будто я предложил ей что-то неприличное.

В конце концов мы все-таки находим то, что ищем. Площадь лежит в отчужденном молчании, окруженная пустым пространством. Передвижная выставка о временах нацизма работает только до обеда, будто устроители стараются обратить на себя как можно меньше внимания. В городе ни одного плаката, который оповещал бы о выставке. Из записей в книге отзывов, сделанных на немецком, явствует, что посетители не одобряют эту затею...

Заброшенные строения поражают своими преувеличенными размерами — колоссальные кулисы власти, любившей выставлять себя на обозрение. Могущественные. Угнетающие. Я думаю о сооружениях, возникающих в Южной Африке в последнее время. Несмотря на экономический спад, увеличивающуюся безработицу и обнищание, несмотря на голод и репрессии — в большинстве крупных городов строятся гигантские стадионы, монументальные театры и Дворцы оперы. Культура превыше всего!

Я пытаюсь представить толпы людей на площади Цеппелина. Оживление нацистских съездов. Парады. Подобным образом и Питер Бота организует свои ежегодные собрания в Южной Африке. Подобным же образом в Южной Африке регулярную полицию усиливают резервистами и во всех школах проводятся занятия по обширной программе «Военнообязанная молодежь». А на уроках истории прошлое изучается с точки зрения белых.

Во время второй мировой войны один фермер в западном Трансваале намалевал на своем сарае огромные свастики. Тем самым он сообщал еврейским торговцам, что им не следует везти свои товары на его ферму, как бывало раньше. Те сообщили властям. Власти приказали фермеру закрасить свастики. Но и сегодня, через сорок с лишним лет, они видны после каждого дождя. Некоторые вещи не закрасишь. Не-

которые события, как в кошмаре, все время преследуют человечество.

Мы едем обратно, в старую часть Нюрнберга. Посещение стадиона омрачает нам радость от встречи с симпатичным торговым городом. Мы не можем не думать о том, что здесь были провозглашены «Нюрнбергские законы»: «Браки между евреями и гражданами немецкой или родственной крови запрещены...» Так же и в Южной Африке, отношения между лицами, принадлежащими к различным расам, были запрещены вплоть до 1985 года. С тех пор, правда, белым и черным разрешили заключать браки, но такие супружеские пары не могут жить где хотят. Есть закон, по которому «неполноценные расы» должны жить только в гетто...

«Когда мы едем путешествовать за границу,— говорит мне в ФРГ знакомый журналист,— мы предпочитаем, чтобы нас принимали за голландцев или шведов. Вам, южноафриканцам, наверно, знакомо это чувство?»

Мы выходим из старого города по Фюртер-штрассе: хотим найти здание суда, в котором после войны проходил процесс над военными преступниками. Мы опять плутаем по городу, введенные в заблуждение ничего не знающими прохожими. В конце концов мы подходим к величественному, солидному зданию... Это здесь.

«Мы делаем все возможное, чтобы помочь черным,— заверяет меня пастор в Гамбурге.— Мы действуем, например, в Намибии. Но священников арестовывают и высылают. Несмотря на это, мы не позволяем запугать себя. К сожалению, люди здесь относятся к нашей борьбе с безразличием. И дело будет обстоять так до тех пор, пока они будут иметь возможность спокойно менять марки на рэнды».

«Но разве немцы, которые пережили ужас гитлеровских времен, не видят, что происходящее в Южной Африке — это повторение их исторического опыта?» — «К сожалению, нет. Они знают, что ФРГ является важнейшим торговым партнером ЮАР в Европе. Чего ради они должны думать о внутренней политике другой страны, если экономические отношения приносят такую прибыль?»

Мы в Ротенбурге. Несмотря на наплыв туристов, город сохранил средневековую атмосферу. На улицах бурлит торговля, из домов с пестрыми фасадами звучит музыка. И на улицах и площадях звучит музыка. Ночь. Мне кажется, что это сон, хотя я совсем не хочу спать.

И тем сильнее мой ужас, когда на следующее утро мы идем в средневековый «Музей преступлений». Со скрупулезной, почти любовной дотошностью здесь демонстрируются все темные углы европейской истории: темницы, виселицы, кнуты, железные пояса, испанские сапоги, пыточное железо, удавки, клещи, щипцы-костоломы, скамьи для пыток...

Снова думаю о Дахау. Вдруг мне кажется, что жестокость — это неизбежная часть человеческого опыта. Падение — предпосылка для высотных полетов духа? Не знаю. Нет. Все проще. Год назад один врач написал в письме в Верховный суд ЮАР: «Особенно возмущает меня то, что во время допросов узники лишаются моего попечения и подвергаются жестоким пыткам». Вот и все.

Пытку всегда оправдывают тем, что отказываются признавать в другом человека: этот — преступник, тот — позорное пятно на теле общества, этот — убогая тварь, тот не христианин. Генрих Гиммлер писал в 1943 году: «Умрут ли от истощения десять тысяч русских женщин во время строительства противотанкового рва или нет, интересует меня только в той степени, насколько готов противотанковый ров для Германии». А Джимми Крюгер, министр юстиции Южной Африки, сказал в 1977 году, после смерти молодежного лидера Стива Бико: «Меня это не волнует». Параллели? Закономерности?

Мюнхен. Неподалеку от Мариенплац, в зеленой тени деревьев, которые закрывают нас от сияющего полуденного солнца. «Вы говорите на африкаанс? Так вы из Южной Африки? Добро пожаловать, друг! Мы ведь друзья! Вот вам моя рука». Мощное рукопожатие. «Вы все делаете правильно, вы там. Так держать! Мы целиком за Боту. Я вам кое-что скажу: все мы здесь, за столом, настоящие немцы. Настоящие немцы старой закалки. Понимаете, о чем я?» Он подмигивает мне и осушает свою огромную пивную кружку. «Мы понимаем вас. Даже если весь остальной мир будет против!»

Перевел с немецкого А. АНИН

В Париже перед зданием ЮНЕСКО установлена скульптура женщины — похожее на сфинкса изваяние с округлыми царственными формами и загадочным лицом-маской резко выделяется на фоне однообразного ряда окон модернистского храма культуры. Так сошлись в глубоком контрасте архитектура здания из стекла и бетона и скульптура из первозданного камня: легкость и тяжеловесность, динамизм и статичность, современность и доисторизм.

Английский скульптор Генри Мур (а именно он «вырубил из скалы и установил перед зданием ЮНЕСКО бессмертную свою Мать-Землю») любил полярность: сложность и простота, замкнутость и простор, считал он, в своем единстве и есть жизнь и искусство. Получив в 1957 году заказ, он не сразу нашел нужное решение: сначала хотел изваять женщину, погруженную в чтение или окруженную детьми, но в конце концов остановился на любимой своей модели — лежащей женщине, символу Великой женственности, Вечности.

Подобно тому, как Леонардо да Винчи умел увидеть пейзаж на стене, покрытой грязными пятнами, Муру всюду чудились очертания женской фигуры. И в скульптуре и в графике он стремился пробудить у зрителя восхищение перед образом женщины как составной части Природы.

В студенческие годы Мур отправился в Стонхендж [1] полюбоваться величественным храмом. Увидев при лунном свете мрачный хоровод скал, он был поражен: «Стонхендж — это столько же скульптура, сколько и архитектура. Каменные глыбы кажутся обработанными гигантским топором».

Здесь Мур впервые ощутил гармонию слияния скульптуры с природой. Спустя годы он создаст каменные арки, своды, таинственные овалы, сквозь которые видно небо, переменчивое днем и инкрустированное звездами ночью. Его творения естественно и легко сливались с окружающим пейзажем, словно извечно и неотъемлемо ему принадлежали. Ни в одном музее работы Мура не смотрятся так, как на природе, где они сами становятся ее частью.

«Скульптура — это путешествие,— любил повторять Мур, распахивая широкую дверь своей мастерской, чтобы проверить, как его изваяния выглядят на фоне неба, деревьев.— Она должна быть видна в сотне разных ракурсов, по-своему открываясь летящей птице или ползущему червю. Тем она и отличается от живописи, которую можно смотреть, лишь находясь прямо перед полотном».

Для скульптуры нет лучшего фона, чем небо. Ее формы контрастно выделяются в воздушном пространстве, когда взгляд не отвлекается на другие предметы. Геометрия горизонтальных и вертикальных современных зданий, похожих на спичечные коробки, по мнению Мура, угрожает любой скульптуре, помещенной перед ними. «Если это человеческая фигура, вы сразу обнаруживаете, что у нее словно оторвана голова, а тело рассечено на части. Поэтому нельзя устанавливать стоящую фигуру перед небоскребом. Скульптура подобна человеческому существу. Архитектура же антигуманна».

Ему нравилось помещать свои изваяния в водоемах, на берегах рек. Одно из них живет в струях фонтана в Линкольн-Центре в Нью-Йорке. Самая популярная скульптура Мура «Король и королева» (см. снимок) возвышается на вершине холма в Шотландии, и кажется, будто величаво парит в холодном северном небе.

«Мы проезжаем по парку, по музею Мура, — пишет А. Вознесенский.— В мире нет подобных галерей. Его парк — анфилада из огромных полян, среди которых стоят, сидят, возлежат, тоскуют скульптуры — его гигантские окаменевшие идеи. «Скульптура должна жить в природе,— доносится глуховатый голос создателя,— сквозь нее должны пролетать птицы. Она должна менять освещение от облаков, от времени суток и года...

В одну из скульптур ведет овечья тропа. Это его «Овечий свод». Две мраморные формы склонились одна к другой, ласкаясь, как мать с детенышем. Под образованный ими навес, мраморный свод нежности,

[1] *Древнейшие постройки 1700—1400 годов до нашей эры (предполагается, что это храм, символизирующий небесный круг, возможно, обсерватория) близ английского города Солсбери.— Здесь и далее прим. авт.*

СКУЛЬПТУРА — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

Алла ГРАЧЕВА

любят забиваться овцы. Они почувствовали ласку форм и прячутся под ними от зноя и ненастья. Как надо чувствовать природу, чтобы тебя полюбили животные!»

Нетронутая природа всегда манила Мура — ведь он рос в маленьком шахтерском городке Каслфорде, пыльном и скучном, где среди камня томились чахлые деревца, не дававшие тени. Несколько поколений его семьи работали на шахте. Отец, отчаянным усилием штангиста, берущего неимоверный вес, выбился в инженеры. В пятьдесят лет 30 июня 1898 года у него родился седьмой ребенок — будущий великий художник Генри Мур. «Сын шахтера, он понимает духовную тяжесть и животворную мрачную силу земных недр... В нем чувствуется хмурая тьма и властная энергия...»

Унаследованная от независимых ирландских предков, от отца, упорно занимавшегося самообразованием и знавшего наизусть Шекспира, «властная энергия» влекла Мура к цели — стать великим скульптором, как Микеланджело. Ни больше ни меньше. Узнав о великом ваятеле из детской энциклопедии, Мур словно услышал зов судьбы. Пройдут годы, и он познает невиданную славу, какой не пользовались при жизни ни Микеланджело, ни Роден. Серия выставок по всему миру, поток заказов, не иссякавших до конца жизни, бесчисленные книги, эссе, статьи. Счастливый удел! В событиях его жизни, не богатой крутыми поворотами, полной чисто английской сдержанности и размеренности, нелегко отыскать объяснение яростному пламени, освещавшему его искусство.

Правда, в самом начале пути ему выпало тяжкое испытание. Во время первой мировой войны Мур был призван в армию и в битве при Камбре во Франции отравлен газами. На протяжении всей жизни его мучили приступы удушья. Мур не любил говорить об этом. Отзвуки европейской бойни, в которой он едва уцелел, лишь двадцать лет спустя промелькнут в литографии 1939 года «Испанский заключенный», изображавшей голову человека в клетке за колючей проволокой. Мур издал эту литографию для сбора средств в помощь испанским республиканцам [2], брошенным в тюрьмы во Франции,— стране, где он сам был сражен в газовой атаке.

После лечения в госпитале и демобилизации в 1919 году, получив стипендию как бывший военнослужащий, Мур поступил в художественную школу города Лидса. Его не смущало то, что в 21 год он сел на одну скамью с 15-летними юнцами. Он выдержал нудные занятия в Лидсе, где убивалось любое проявление самостоятельности, а требовалось лишь умение копировать античные образцы. Случалось, студенты по полгода корпели над одним рисунком. Что ж, говорил он себе, все ваятели, перед которыми мы преклоняемся — от Микеланджело до Родена — были превосходными рисовальщиками, и умение рисовать столь же необходимо скульптору, как и живописцу.

Не случайно спустя четверть века именно рисунки — тысячи зарисовок жителей Лондона, укрывавшихся в метро от фашистских ночных бомбардировок, принесли Муру широкую известность. Выставка в Национальной галерее графических работ художника, потрясенного видом людей, спасавшихся от смерти в недрах земли,— взволновала всю Англию. По словам А. Вознесенского, «необходимым, своим для миллионов людей он стал после рисунков «Жители бомбоубежища». Стихия народной беды и истории задула в трубы муровских дыр... Сын шахтера стал Дантом военного метро... Вот эти рисунки: огромная дыра туннеля засасывает тысячи крохотных, оцепенелых во сне женщин... открыв рты, закинув онемелые руки, четверо спят под общим одеялом. Цветное одеяло похоже на волны времени... Казалось, что вся мировая культура ожидает гибели в туннелях бомбоубежищ».

В. Робертсон, директор лондонской галереи Уайтчэпел, писал: «Эти глубоко трагические зарисовки, выполненные с удивительной простотой, мужеством и гражданственностью, затронули сердца англичан, и Мур, сам того не желая, стал своего рода национальным героем».

Но в годы учебы в Лидсе до славы было еще далеко. Кроме таланта, для успеха необходима была сильная воля и некоторая доля везения. В упорстве ему нельзя было

---

[2] *После поражения республиканцев и установления франкистской диктатуры в Испании (1936—1939 гг.) многие патриоты были вынуждены эмигрировать во Францию, где подвергались преследованиям.*

на стр. 24 ▶

— ПОЧЕМУ, ЧЕЛЕНТАНО, ВЫ ТАК ПОПУЛЯРНЫ В СССР? — попытался выяснить у певца итальянский журнал «Эуропео».

— Честное слово, для меня это тоже загадка. Лет двадцать назад мне стали говорить, что в России меня очень любят, что каждый раз, когда там проходит слух о моей очередной гибели, поклонники чуть ли не объявляют траур. И я сказал себе, что должен поехать в СССР хотя бы для того, чтобы поблагодарить за загадочную многолетнюю преданность... Россия представлялась мне сказочной страной... За окнами все время идет снег, а у очага, у самовара собралась семья, и люди говорят о чем-то интересном и очень мудром. Я был рад зажечь свой очаг в этом большом древнем доме, потому что, может быть, именно в этом очаге сгорят все гадости мира, в котором мы живем.

На снимке: у самовара академик Е. П. Велихов и А. Челентано.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД итальянский скульптор Карло Рамбальди, работая над проектом задуманного им идеального города «Миллениум», где сочетались бы достижения искусства и техники, создал несколько самодвижущихся скульптур. Одну из них увидел Федерико Феллини и попросил Рамбальди изготовить нечто подобное для своего фильма «Джульетта и духи»... С тех пор детища Рамбальди снялись в 76 фильмах. Их изобретатель удостоен трех «Оскаров», премии Американской академии киноискусства. И самая почетная из них — за «ЕТ», «Extraterrestial», или, по-русски, «И. П.» — «Инопланетянина», героя одноименного фильма. Сам Рамбальди считает Инопланетянина своей лучшей работой. Страшноватая на первый взгляд фигурка И. П.— символ детской доброты, беззащитности, любознательности и взрослой мудрости и терпимости. Фильм режиссера Стивена Спилберга и работа скульптора Карла Рамбальди были в свое время удостоены премии ЮНИСЕФ — Детского фонда ООН, как самый добрый фильм года. Зрители, даже взрослые, воспринимали И. П. как живое существо, а для детей он стал любимой игрушкой.

В КАЛИФОРНИИ ПОЯВИЛИСЬ АВТОМОБИЛИ, оборудованные электронными дорожными картами. Достаточно нажать кнопку, и на экране появляется сектор города с обозначенным на нем месторасположением автомобиля (все необходимые данные поступают от датчиков, установленных на крыше и колесах машины), остается только выбрать оптимальный маршрут. Второй вариант: устройства, установленные в гостиницах и пунктах проката автомашин. В компьютер вводятся данные, и через 20 секунд выдается распечатка, в которой указаны нужные повороты, количество светофоров и прочие ориентиры для водителя. Реклама справедливо утверждает: «Мы экономим горючее, мы экономим время». Пока трудно сэкономить деньги: устройства стоят до полутора тысяч долларов. Но производители надеются, что в течение десяти лет им удастся снизить цены, и тогда таким оборудованием будут снабжены все водители страны.

50-ЛЕТНИЙ юбилей Белоснежки, отмеченный этим летом одновременно в 4 тысячах кинотеатрах 60 стран, лишний раз подтвердил, что возраст у женщин — условность. Героине Уолта Диснея пятьдесят исполнится только в следующем году: в свое время прокатчики, сомневавшиеся в успехе первого полнометражного мультипликационного фильма, держали «Белоснежку и семь гномов» «на полке» до 1938 года. Срисована Белоснежка с танцовщицы Марджори Белчер, которой сейчас под семьдесят. Актриса же, чьим голосом говорила, пела и смеялась Белоснежка, уже тогда годилась своей героине в бабушки.

ИТАК, БЕЛОСНЕЖКЕ исполнилось в этом году пятьдесят. А Голливуду — так решили в Голливуде — сто лет. Один из известных продюсеров, Дино де Лаурентис, обеспокоенный тем, что американская публика предпочитает ходить на фильмы так называемых «внеголливудских» режиссеров, решил проблему по-голливудски. Он выпустил фильм «Тайна миллиона» — это обыкновенный детектив, в котором роль сыщика играют... зрители. Похищено 4 миллиона долларов, из которых к концу фильма обнаружены три, а четвертый миллион авторы фильма предоставляют найти зрителям, вынужденным для этого по нескольку раз смотреть его в кинотеатре.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ ПЕРВОЙ ИЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН стала членом так называемого международного клуба дигитальных пластинок. В 1980 году в ЧССР был впервые записан компакт-диск — симфоническая поэма Бедржиха Сметаны «Моя родина», разошедшийся миллионным тиражом. Сейчас фонотека чехословацких компакт-дисков насчитывает свыше ста наименований.

В конце 1988 года планируется освоение серийного производства компакт-дисков с тем, чтобы, начиная с 1990 года, выпускать около трех миллионов КД в год. Уже сегодня чехословацкий «Супрафон» сотрудничает в этом направлении с японской фирмой «Ниппон Колумбиа» и западногерманской «Ариола». Таким образом, ЧССР станет первым производителем компактных граммофонных пластинок в рамках стран — членов СЭВ.

ФРАНЦУЗЫ, у которых в ходу поговорка «попасть двумя ногами в один ботинок», то есть оказаться в неловком положении, считаются законодателями в популярном в последние годы катании на монолыже. Двадцатипятилетний Бруно Гуви, обладатель мирового рекорда скорости в спуске на монолыже (177 километров в час) и одновременно победитель соревнований в скорости на доске с парусом (139 километров в час), осуществил спуск на монолыже с трех самых труднодоступных вершин Альп. Временами скорость превышала 200 километров в час.

КОТ МАТРОСКИН рекомендует есть бутерброды колбасой вниз. Дизайнер Нора Апонтэ, которой итальянцы обязаны модой на художественные мини-бутерброды стуццекиньо, рекомендует их сначала рисовать, используя гамму цветов из картин великих художников, дабы никто не уличил вас в отсутствии хорошего вкуса. Для классических стуццекиньо следует нарезать продукты небольшими кусочками, а яйца лучше брать перепелиные: «Яичницу из такого яйца следует подавать горячей на кусочке хлеба, вырезанном в форме маленькой сковородки». А затем переходите к духовной пище.

Потом снова приедет цирк...

Петер БИКСЕЛЬ,
швейцарский писатель

О, этот удар, когда упал Гаспоз! Он упал неподалеку от финиша, уже пройдя почти всю трассу слалома, уже почти став победителем. Дыхание у меня сбилось, у меня сдавило грудь. Это не он один упал. Это мы упали, мы оба, он и я.

Это то же чувство, которое возникает, когда видишь, как автомобиль сшибает собаку; это то же чувство, когда видишь упавшего на улице старика. Сострадание? Сострадание Гаспозу, чье тело сейчас все в синяках, а душа полна уныния? Нет, к сожалению, нет. На другой день падение югослава не вызвало у меня никаких чувств, разве что облегчение: одним конкурентом меньше...

Разве хорошо так думать? Я знаю, что нет. Меня удручает мое отношение к спорту. Я не хотел бы быть таким, каков есть. Но разве я действительно таков? Я запутался в себе. Моя голова думает одно, но под ложечкой, как оказывается, прячется совсем другое.

Я всем сердцем завидую тем людям, которые не расколоты подобной некрасивой двойственностью. Я завидую тем, кто вообще может обойтись без чемпионатов мира. Что для этого нужно? Всего две вещи: не интересоваться горными лыжами и уметь противостоять искусственно раздуваемым страстям.

Первое у меня есть: на самом деле я не интересуюсь горнолыжным спортом. Но, увы, во мне нет силы воли, чтобы сопротивляться навязываемому мне зрелищу. И вот уже безо всякого внутреннего интереса я делаюсь «фанатиком» и «знатоком». «Вираж», «внутренняя сторона лыжи», «внешняя сторона лыжи» — я знаю все это ничуть не хуже телекомментатора, от которого я, собственно говоря, и нахватался этих слов.

«Да он просто должен был подольше проскользить на внешней стороне лыжи!» — с апломбом говорят тысячи швейцарцев в тысячах кресел перед телевизорами. И все они думают, что это их мысли, что они выдумали это сами, а не услышали где-то. И если (думает такой швейцарец) он сам мчался бы на лыжах, он бы не подкачал. Сидя у экранов, мы чувствуем, что способны к подвигам. Но совершают их за нас парни кровь-с-молоком и симпатичные девушки. Мы гордимся ими. Они — «наши» (в отличие от столь же сильных и красивых австрийских, югославских, итальянских парней и девушек, которые — «не наши»). Ну и они, конечно, умеют кое-что, наши горнолыжники! Мы ассоциируем себя с ними. Мы — это они. Глядя, как они летят вниз по склону со скоростью сто километров в час, мы тоже превращаемся на час или два в героев, мастеров и артистов... Разве спортсмены не настоящие артисты?

Ну что ж, поговорим о настоящих артистах. Их можно увидеть в цирке, например. Они работают на арене, ходят по проволоке на высоте двадцати метров, жонглируют сразу двадцатью мячами и шляпами. И они тоже, как спортсмены, приезжают из разных стран мира, из Испании и Бразилии, из Румынии и СССР. Есть среди них и швейцарцы. Но я отношусь к ним иначе, чем к швейцарским спортсменам. В цирке я не делю артистов на «наших» и «не наших».

Когда я вижу в цирке, как канатоходец вдруг теряет равновесие на высоте, я весь переполняюсь сочувствием, но иначе, чем в случае с Гаспозом. Я заинтересован не в победе, а только в том, чтобы у канатоходца все получилось. Я ведь в какой-то степени иду вместе с ним по канату. Я гляжу на него, и я счастлив от того, что мы, люди, умеем так здорово ходить по канату, поднимать тяжести или жонглировать двадцатью шляпами одновременно. И как прекрасно, что изредка одна из шляп падает мимо рук жонглера. Это доказывает мне, что он такой же человек как я, и у него тоже бывают неудачи. Да, у меня есть общее с ним. Я тоже человек. Я тоже борюсь с тяжестью и удерживаю равновесие. Конечно, я знаю, что клоун дурачится, но, дурачась, он показывает мне меня самого и учит меня смеяться над собственными ошибками...

Или вот еще. Мы, люди, умеем обращаться с хищниками. Мы умеем ласково разговаривать со львами. Не все, конечно. Один из нас умеет это — дрессировщик. Но я ведь тоже человек, как он. Значит, и во мне есть частица его мужества.

И вот дрессировщик приезжает из Франции, канатоходец из СССР, а жонглер — швейцарец. Но общее у меня с ними не национальность, а всего лишь то, что я тоже человек. Все, что они делают, они делают, представляя собой человечество, и даже если цирк, которым я так горжусь, называет себя «национальный цирк», то это все равно ничего не меняет в сути дела.

Конечно, горнолыжники — тоже ар-

Рисунок А. АРХУТИКА

тисты, только вместо арены у них снежные трассы. Они, как и циркачи, умеют несравнимо больше, чем мы. Они люди, и я мог бы порадоваться, что люди умеют так много. Но, когда я смотрю на соревнования, чувство человеческой общности покидает меня. Отчего? Оттого ли, что они моложе меня, и сильнее меня, и прилежнее меня? Затянутые в обтекаемые костюмы, с лицами, закрытыми шлемами, на своих суперлыжах, они невероятно удалены от нашей обычной, ежедневной жизни. И мне начинает казаться, что у меня нет ничего общего с ними, никаких общих черт характера... ну, разве что только то почти случайное обстоятельство, что Бригитта Вертли и я — оба швейцарцы.

И вот она делает свою работу, представляя Швейцарию на горнолыжной трассе. Не человечество, не людей вообще, как это бывает в цирке, а только швейцарцев.

Я знаю, что у меня и Бригитты едва ли есть что-либо общее, ни свойств характера (я имею в виду силу ее характера и слабость своего), ни привычек, ни пристрастий. Просто мы — швейцарцы. И я сам удивляюсь, когда это оказывается достаточным, чтобы чувствовать себя опустошенным и разочарованным, если она не побеждает.

В четыре года мне купили первые лыжи. Мой отец был хороший лыжник. Я спрашиваю себя, сумел ли бы я отказаться, если бы какой-нибудь тренер «открыл» меня и повел к победам. Едва ли. Ведь я был мальчишка, а мальчишки, как известно, мечтают о славе и победах. Но это детское честолюбие прошло само собой. И сейчас сама мысль об этом кажется мне кошмарной: пятнадцать лет подряд быть собственностью нации, пятнадцать лет провести на спортивной каторге и до тридцати оставаться мальчиком на лыжах... Я так благодарен судьбе за то, что у меня нет и малейших спортивных талантов!

Да, одно время я мечтал о карьере горнолыжника. Однажды в детстве в универмаге я видел знаменитого нашего аса Эди Романгера. Он раздавал автографы: загорелый дочерна герой в белой лыжной шапочке. В кинотеатрах шли фильмы с Ромингером в главной роли. Весь фильм он элегантно закладывал виражи на длинных спусках. Мы, мальчишки, любили фильмы с Эди Ромингером почти так же, как с Микки Маусом. О, горные лыжи моего детства! Взобраться вверх, постоять минуту-другую в тишине, вдыхая холодный и свежий воздух предгорий, медленным, долгим взглядом обвести близкие склоны, поросшие лесом, видные между деревьями красные крыши, увидеть отвесно поднимающийся дымок — и, оттолкнувшись палками, сорваться вниз и понестись, и ничего уже не видеть, кроме бешено летящего снега. При каждом торможении из-под лыж вылетали фонтаны снега, и от всего — от одиночества, скорости, тихих сосен — возникало во мне такое чудесное, праздничнo-рождественское настроение. Да, кем-то вроде Эди Ромингера я хотел тогда быть...

Я помню, мне было лет десять, когда отец сказал, что из швейцарских горнолыжников больше никогда не выйдет ничего стоящего. Из-за подъемников. На каждой горе теперь есть подъемники. И это создает излишний комфорт. Раньше ведь наши швейцарские парни должны были лезть на гору после каждого спуска. Это делало их сильными и упорными. Все они работали на фермах, по хозяйству. Мой отец не мог понять, что можно набрать силу без того, чтобы работать по хозяйству, и что сегодняшние спортсмены работают на тренировках не меньше, чем швейцарские парни былых годов, таскавшие ведра с водой, валившие лес и ездившие на лыжах в город.

Конечно, я не отрицаю, что спортсмены достойны уважения. Кто хочет стать чемпионом мира (а кто из спортсменов не хочет?), тот должен тренироваться как каторжный. И я вовсе не хочу бросить тень на современный спорт. В спорте нельзя казаться лучшим — можно только быть им. Спорт воспитывает честное отношение к жизни. Высокая мотивация, способность переносить поражения, умение верить в успех,— в конце концов, это вопросы морали. И часто в противоборстве равных по силам соперников побеждает тот, у кого более высокая мораль и крепче дух.

И вот в этом году наши горнолыжники, наши Пирмин Цурбригген и Мария Валлизер, были лучшими в мире. И вот мы думаем о себе, что, если наши спортсмены лучшие в мире, то мы — самая сильная духом нация. Потому что победа — дело морали. И, приникнув к экранам телевизоров, мы жадно следим за полетом наших героев, ждем, когда электронный секундомер остановит свой бег, потираем руки и считаем медали. У нас уже есть одна, и еще одна, и еще. И мы, мы, швейцарцы, победили!

Но кто хочет побеждать, должен уметь бороться, а как бороться нам, обросшим животами и третьими подбородками? Ну, тогда мы хотим хотя бы помогать в борьбе. Мы кричим, свистим и скандируем. Это не одиночки кричат и свистят — вся нация сходит с ума в тысячах швейцарских кафе и бистро во время телетрансляций. Конкурент наших чемпионов — наш враг, и все мы страстно желаем ему поражения. Я не могу забыть этого чувства даже после того, как мы победили. Мы оказались гораздо более воинственной нацией, чем сами думали о себе.

Наши болельщики нецензурными словами крыли «австрияков» и выкрикивали оскорбления в адрес австрийского комментатора. Они хотели унизить их — и в их лице всю Австрию. Что им сделала Австрия? Они не желали слышать, что австрийский комментатор с восторгом и уважением говорил о наших чемпионах, они не замечали, что он оставался благородным и непредвзятым в игре национальных самолюбий. Австрийцы проиграли нам. Мы высмеивали их только потому, что они проиграли. Нам мало выиграть, нам надо, чтобы другой потерпел поражение.

Человек, который приходит посмотреть на спортивное состязание, часто переполнен агрессией. В жизни у него слишком мало удач. Он зажат со всех сторон: надменный начальник, неласковая жена, грубый сын. И он издевается над австрийцами, потому что они «не наши». Потом от издевательств он переходит к ругани. Он самоутверждается. Это ничего не стоит для него — ведь не он, а спортсмены отдают для победы годы труда. Австрийский комментатор говорит неудачную фразу, и тогда человек у телевизора начинает рассказывать анекдоты про тамилов. И скоро речь уже идет обо всем сразу. Тамилы, турки — в дурмане победы мы не выносим иностранцев. Господи, в какую ужасную страну мы превратились! Мы разучились достойно нести груз наших побед. Я уверен, что, если бы мы проиграли, никакой национальной трагедии не было бы, и наше разочарование было бы менее агрессивным, чем наша «радость». Но мы выиграли. Тем хуже для нас.

Так ли обстоят дела у других наций? Я не хочу спорить об этом. Спор безнадежен. Нельзя доказать впавшим в национальный угар болельщикам, что западногерманские и австрийские спортивные репортеры не заражены национализмом. Люди слышат лишь то, что они уже знают. Они абсолютно уверены, что все австрийцы после поражения их горнолыжников потеряли сон, что теперь все, ну просто-таки совершенно все на свете хотят быть швейцарцами. А тот, кто не швейцарец, тот какой-то иностранец! А что могут какие-то иностранцы против наших спортсменов?

Мне жалко наших горнолыжников. Они-то не виноваты в этом взрыве национализма. Их нельзя упрекнуть ни в чем.

Они просто катаются на лыжах. Они делают это с удовольствием, с чувством. Они честолюбивы. Я люблю смотреть на них. Но я не один из них, я из другого племени. Я — болельщик. И я, не переставая «болеть», стыжусь быть одним из орущей толпы. Я побаиваюсь наших побед. Если бы мы умели побеждать благородно! Но нам нравится наш болельщицкий боевой дух. И это не имеет никакого отношения к спорту, но имеет отношение к Швейцарии. Мы перестали быть миролюбивым народом.

А ведь были же — и не очень давно! — времена, когда мы, швейцарцы, могли восхищаться победами француза Килли. А теперь — теперь что я могу поделать? Я швейцарец, и вместе со всеми швейцарцами я жажду нашей победы.

Как же мы глупы!

Но летом снова приедет цирк. Настоящий цирк. И снова кто-то пойдет по канату. Неважно, швейцарец он или нет,— важно, что человек. И я, сидя на месте, все-таки немного пройду вместе с ним, потому что я тоже человек, и буду радоваться тому, что люди — не поляки, австрийцы или латиноамериканцы, а люди! — умеют так отважно и ловко ходить на высоте по канату...

Перевел с немецкого А. ПОЛИКОВСКИЙ

со стр. 19 ▼

отказать. Стиснув зубы, Мур шел к своей цели. Школа в Лидсе — лишь первый шаг на этом пути. В 1923 году, добившись государственной стипендии, он поступил в Королевский колледж искусств в Лондоне — такова была награда за его усилия. Несомненной удачей явилось знакомство с работой Роджера Фрая [3], из которой Мур узнал о негритянской и мексиканской скульптуре, и понял, в каком направлении ему следует двигаться. «Мексиканская скульптура, когда я открыл ее для себя,— писал Мур,— показалась подлинной, настоящей и удивительно схожей с каменной резьбой XI века, которую еще в детстве я видел в старинных церквах Йоркшира».

В залах Британского музея в Лондоне, куда Мур входил, по его словам, как человек, страдающий жаждой, он приобщался к искусству ранних цивилизаций и современных течений. В то же время его привлекали художники-модернисты, формировавшие новое искусство и сознание XX века: Пикассо, Матисс, Бранкузи. Познакомившись с их творчеством, Мур понял, что не одинок в своих поисках. Из его столь разных увлечений рождался собственный стиль, легко узнаваемый и породивший последователей во многих странах мира. Рождались массивные формы с неожиданно маленькими головами и таинственными пустотами. Округлые линии его скульптур никогда не прерываются, создавая гармонию, существующую в природе.

Он двигался одновременно к отдаленному, доисторическому прошлому и неизвестному, лишь угадываемому им будущему, уверенно соединяя современность и примитивизм. С полным сознанием собственной свободы Мур вдохновлялся искусством средневековья, мексиканской и египетской скульптурой, созданиями художников прошлого и современности.

[3] *Роджер Фрай (1866—1934) — английский художественный критик и живописец.*

Почему наряду с удивительно реалистичными работами Мура влекла и абстракция? Его интересовала форма, как таковая, и он часто сводил ее к простейшему овалу. «Я беру камень, — объяснял Мур,— и должен отыскать в нем скульптуру, преодолевая сопротивление материала с отчаянной решимостью и путем тяжелого труда». Он «лечил форму от бесформенности».

«...знаменитые дыры Мура,— пишет А. Вознесенский.— Они стали основой его стиля и индивидуальности... Люди смотрят на мир сквозь них. Здесь каждый может подобрать себе по размеру печаль и судьбу...

Сквозь овальные пустоты фигур, как в иллюминаторах, проплывают сменяющиеся пейзажи, облака, ветреные кроны».

Мур разъял плотную массу скульптуры, отыскивая равновесие между материей и пустотой: «Первая дыра, вырубленная в камне, стала для меня откровением». Было ли это средством обуздать свет, поставить его себе на службу? «Дыра,— объяснял ваятель,— может иметь такое же значение для скульптуры, как и ее плотная масса». Его удивительные дыры добавляют света и легкости монументальным изваяниям, даже самые громоздкие из них кажутся облаками, плывущими в небе.

Генри Мур почти не писал портретов, его не интересовали черты лица. Главным он считал пропорции человеческого тела и в них выражал вечные чувства: любовь, боль, радость. Поворот головы и изгиб тела, считал он, могут многое сказать о характере человека. «Вы можете узнать своего друга на расстоянии двухсот ярдов исключительно по его телосложению, манере двигаться и держаться».

Он сравнивал тело человека с природным ландшафтом, трансформируя его формы столь убедительно, что овалы плеч, бедер, шеи напоминают холмы, пещеры, равнины, колени и грудь становятся горами, в округлых пустотах можно укрыться, как в гроте. Сама Земля, по его словам,— это трехмерная скульптура.

По воспоминаниям Вознесенского, мастер любил травертинский камень. «Этот материал крепок и имеет особую фактуру — он как бы изъеден короедами, поэтому скульптура вся дышит, живет, трепещет, будто толпы пунктирных муравьев снуют на поверхности. Скульптуры стоят, похожие на серо-белые гигантские муравейники. Они стоят по колено в траве и вечности».

Мур стремился создать изваяния «полнокровные, живущие собственной жизнью, сильные и одухотворенные, излучающие энергию и мощь, подобно горным вершинам». Центром его мироздания был человек. Он мог бесконечно варьировать три-четыре темы, среди которых «Лежащая женщина», «Мать и дитя» — главные.

«Мать и дитя» была первой самостоятельной работой Мура, начатой в первый год учебы в Лондоне. Он добился в ней гораздо большего, чем можно было ожидать от дебютанта. В этой отнюдь не академической скульптуре — аллегории плодородия, вечности — выражены его собственные идеи и позиция в искусстве. Его влекли мощь, а не красота, мечта, а не реальность.

Впервые Мур выставил свои работы в Лондоне, когда ему было 27 лет, и он сам уже читал лекции по скульптуре в Королевском колледже. Газета «Морнинг пост» за 1931 год объявила его экспозицию «аморальной», а коллега Мура по колледжу, предъявив разгромную статью директору, потребовал отставки Мура. Надо было зарабатывать на кусок хлеба. Рассказывают, что в 1938 году Муру пришлось долго убеждать американку Пегги Гугенхейм приобрести бронзовую скульптуру, которую он принес в обыкновенной кошелке. Теперь эта работа занимает почетное место в Музее современного искусства в Нью-Йорке.

В 1944 году был выпущен альбом скульптур и рисунков Мура. В Нью-Йорке сразу после войны состоялась выставка его работ; он был удостоен звания почетного доктора университета в Лидсе. Дважды ему присуждали международные премии по скульптуре: в 1948 году на первой послевоенной Бьеннале в Венеции и в 1953 году — на Бьеннале в Сан-Паулу. Мур много путешествует по Италии, Греции, Мексике, Бразилии.

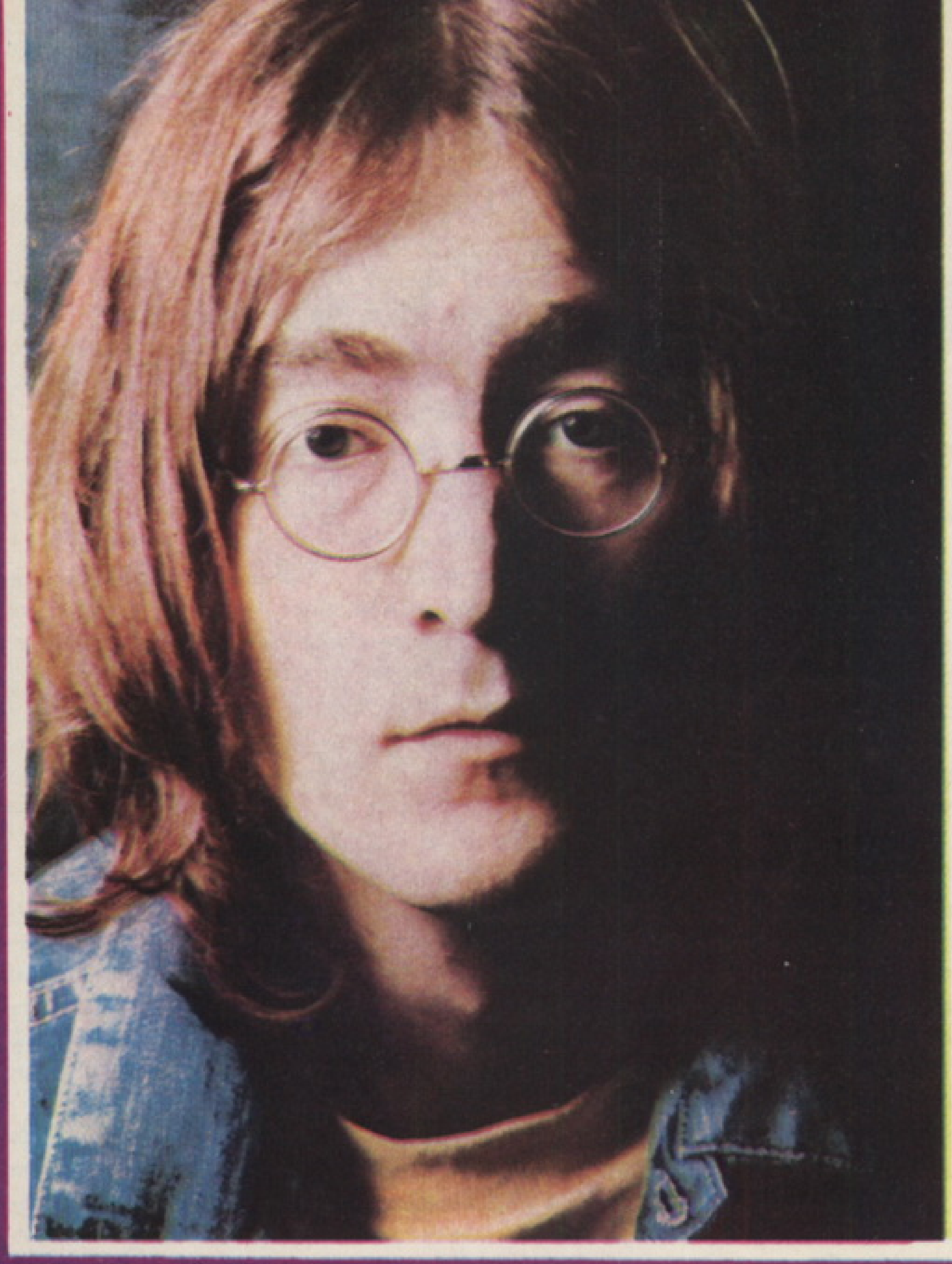
Но нагрянувшая слава не изменила его привычек. С того времени, как его студия в Хэмпстеде была почти полностью разрушена бомбой во время второй мировой войны, Мур поселился в местечке Мах Хэдхэм недалеко от Лондона, где скромно жил более 40 лет. Здесь он и умер в 1986 году в возрасте 88 лет.

В Лидсе Мур организовал центр по изучению скульптуры, подарил его художественной галерее множество своих работ. Скульптор удивительной универсальности, Мур создавал работы, умещавшиеся в руке, скульптуры для украшения домашнего интерьера и больших общественных зданий, для городских парков и площадей. Его изваяния расселились по всему миру, говоря с людьми разных стран на их языке.

Страдает и желает
совершенства
Души твоей таинственная
суть.
Так в совпаденье муки
и блаженства
Вершит земля свой
непреложный путь [4].

Всю жизнь Мур стремился к обновлению, жаждал донести прекрасное нынешним и грядущим поколениям. Он верил, что художник, подобно титану, держит на своих плечах весь мир, такой, каким он его видит и трансформирует в своем искусстве. Он с готовностью брал на себя эту драгоценную и нелегкую ношу вовсе не ради ауры величия. Монументалист Генри Мур был на редкость немонументален. Он мечтал владеть резцом, как пером — так работали мастера Ренессанса, оставляя на Земле свою подпись неповторимого творца.

[4] *Б. Ахмадулина.*

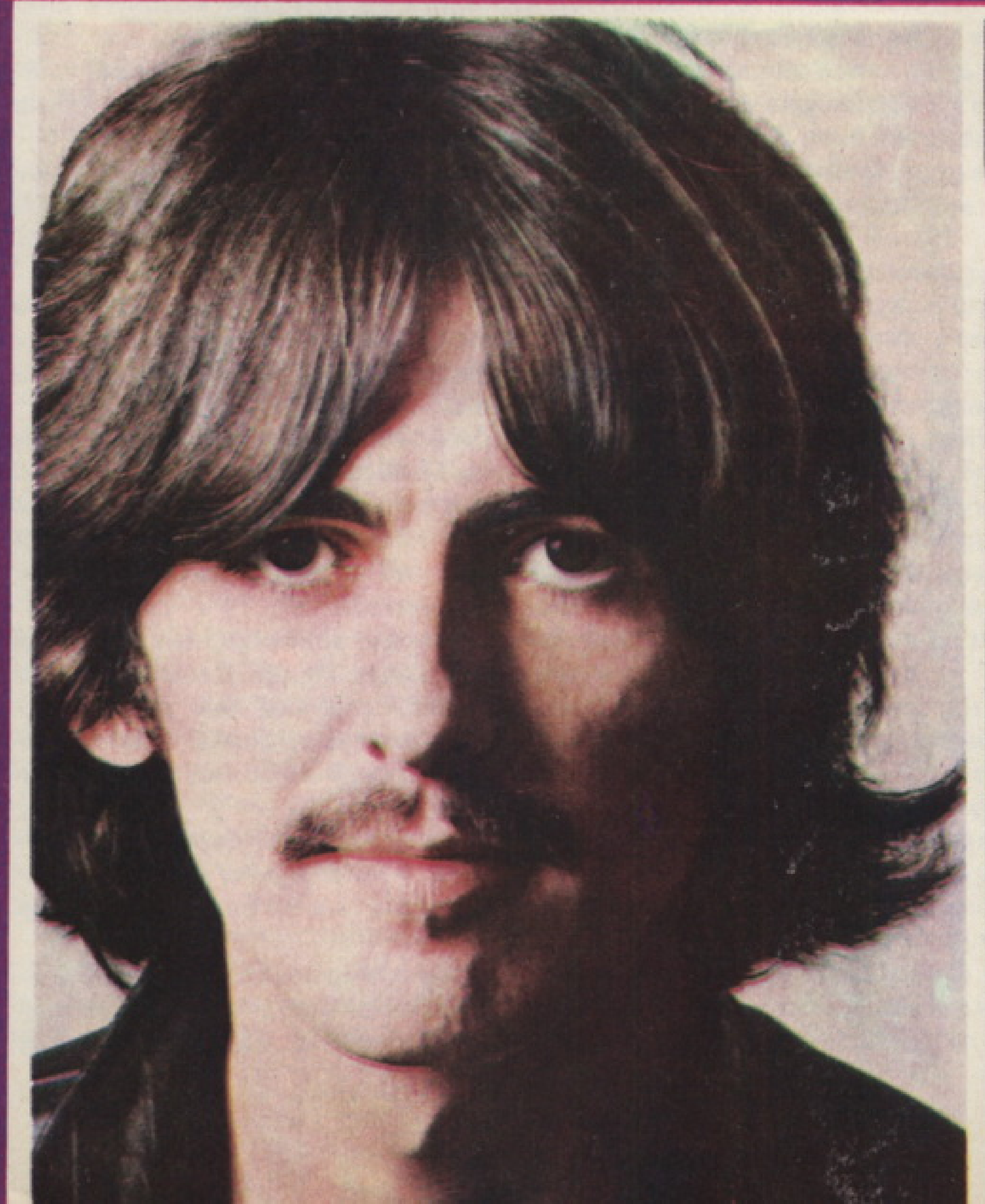

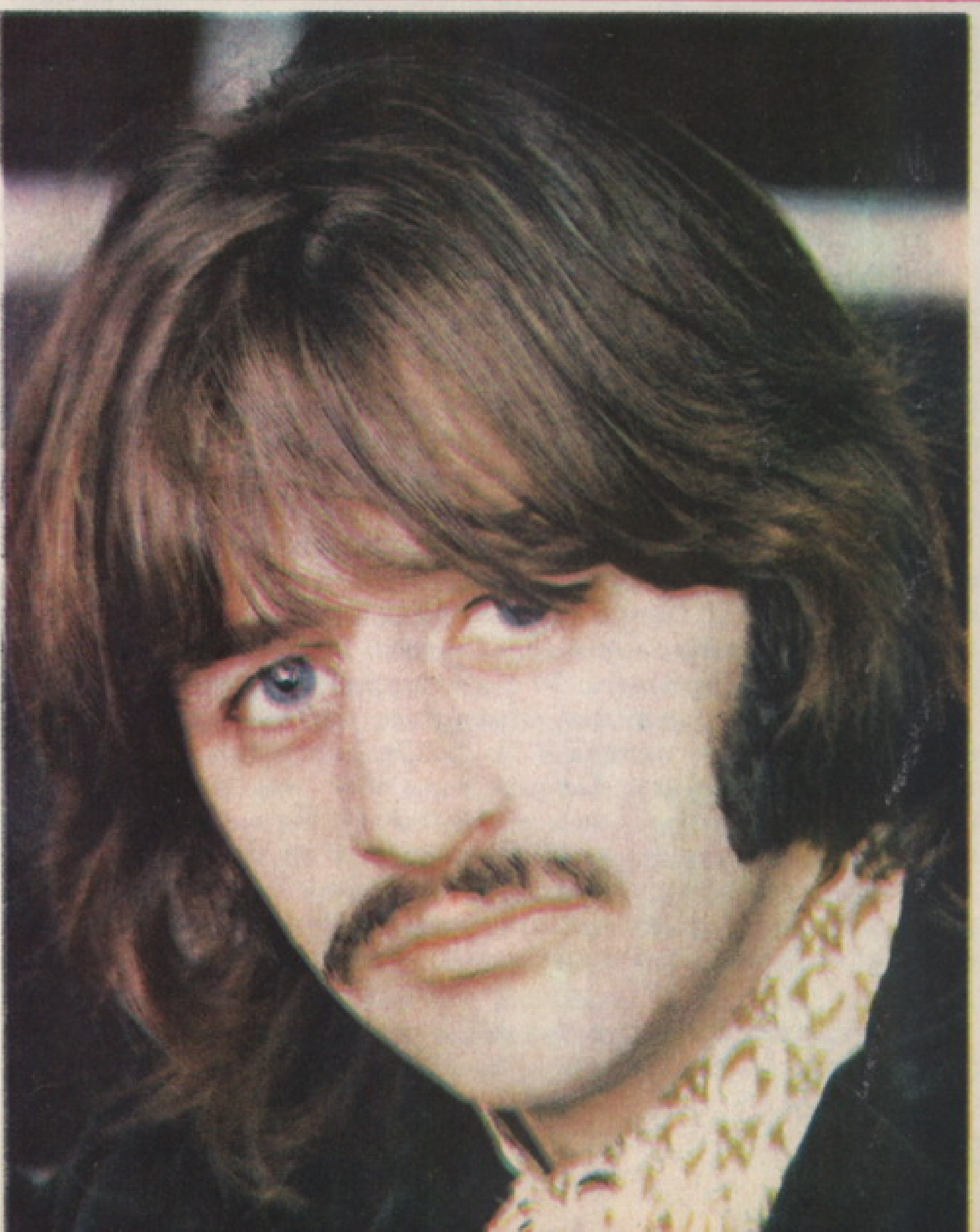

Дискография «Битлз»... Казалось бы, что может быть проще. Однако с самого начала карьеры группы пластинки, выходившие в Англии и США, не были идентичными. Американцы не довольствовались «перепечатками» английских оригиналов и вставляли в свои альбомы песни из других пластинок «Битлз», альбомы выходили в Америке с несколько иными названиями, нежели в Великобритании, добавьте сюда «сорокапятки» и сборники, которые выходят по сей день, и неразбериха может стать полнейшей.

на стр. 30 ▸

Я постараюсь объяснить, почему Пиаф стала легендой нашего времени. Жизнь ее напоминала вечный романс, раздирающую душу песню, одну из бесконечных мексиканских «корридос», где главный герой — или благородный разбойник, или распутница, в которую сначала кто-то страстно влюбляется, а потом бросает, и та, безутешная, умирает от горя.

Пиаф или любовь, ушедшая безвозвратно. Пиаф — трубадур большого серого города и его окраин, возвысившаяся над толпой обывателей. Пиаф — невесомая плоть и огромная душа. Пиаф, которая страстно любила и всегда боялась потерять свою любовь. Это ужасно, когда теряешь любовь и, оставшись наедине с собой, не перестаешь думать о смерти. Но что поделать, если ты некрасива (а она находила себя дурнушкой), как вновь обрести любовь, в которой, быть может, весь смысл твоей жизни, и как опередить своих соперниц? Остается только петь. Из измученного тела вырывается голос сирены, и Улисс [1], разбивший свой струг о скалы, сходит на берег и идет прямо к ней. Мы же споем жизнь Пиаф как балладу.

Песнь первая. Родилась она в декабре 1915 года в Бельвиле в самый разгар первой мировой войны. Ее отец, Луи Гасьон, был акробатом, а мать, итальянка с примесью арабской крови, пела «Ненавижу любовь», «Грусть» и другие песенки Поля Дельмета в кабачке «Погребок Республики».

Песнь вторая. Папаша Гасьон, «пластический акробат со взбалмошным характером», чуть с ума не спятил, когда мать, едва Эдит появилась на свет, оставила девочку и куда-то исчезла. Отец совершенно не представлял, что будет теперь делать... И он решил передать девочку бабке, которая жила в Берне́ и держала там какое-то сомнительное «заведение». У бабки тут же появились свои виды на внучку.

Песнь третья. «Она мне нужна. За дело, малыш! — сказал как-то раз папаша Гасьон (ну и тип!) бабке и ее пустившим по этому случаю слезу «дамам».— Я буду поднимать гири и ходить на руках, а она — собирать деньги». И пока отец поднимал тяжести и заправлял ногу себе за шею, Эдит ходила вокруг коврика и собирала подачки. Однажды у папаши появилась идея: «А что, если тебе попробовать спеть, доченька?» «О, да!..» И, встав посреди коврика, девочка пела «Китайскую ночь» и другие премилые песенки.

Песнь четвертая. Она объездила с отцом всю Францию. Так и выросла. Разругавшись с отцом, девочка продолжала петь на улицах, во дворах, в бистро — где только можно. Встав на цыпочки, чтобы казаться выше, и задрав свой носик до самых окон, она пела:

«Родилась, как воробей,
Прожила, как воробей,
И умрет, как воробей...
Бей... бей... о-о-о-ох!»

В тот день в толпе зевак, слушавших пение девочки, оказался какой-то элегантно одетый малый в мягкой шляпе. После последнего «о-о-о-ох» он подошел к ней. «Я Луи Лепле, хозяин кабаре «Гернис». Заходи как-нибудь ко мне. Поешь ты неплохо, но на улице запросто можешь посадить голос. Заходи как-нибудь». «Бесспорно, в ней что-то есть, и характер тоже, но какая-то она затюканная,— рассуждал про себя Лепле.— Хотя, впрочем, подумать стоит».

Чтобы посетителей кабаре не шокировал потрепанный вид «коротышки», расхаживающей взад и вперед по сцене, предприимчивый Лепле решил предвосхитить все претензии, придумав ей новое имя. «Отныне ты будешь «малышкой Пиаф», «воробьем». Это имя тебе подходит».

В тот вечер за столиком сидел один господин серьезной наружности. Она подсела к нему. Он рассказал, что работает в Национальной библиотеке. «Вы, наверное, книги пишете?» «Да, и стихи тоже». «Вот если бы вы как-нибудь написали для меня песню!?» И он сделал это с большой радостью. С тех пор господин с серьезной наружностью и уличная певица стали неразлучными друзьями до самой смерти. «Такой молодой голос,— скажет впоследствии Жак Буржа,— а сколько в нем скорби и надежды, ну и ну! Кажется, это ее голос соединил нас».

Песнь пятая. У Лепле, или «папаши», жизнь протекала легко и беззаботно. Однако, чтобы подзаработать, Эдит тайком ходила по дворам и пела. «Папаша» неистовствовал. «Я из тебя человека сделал, а ты все шатаешься под окнами! Это уже наглость, черт тебя возьми!» Конечно, может быть, и так. Но как в сказке у Шарля Перро: «Став сеньором, кот (в сапогах) развлечения ради продолжал гоняться за мышами». Себя не переделаешь.

Никогда не сможет себя переделать и Пиаф. Друзья, большой куш в виде целого миллиона, выпавший ей однажды из «окна славы», который она вышвырнула просто так в то же «окно», отчаяние и любовь, болезнь и душевная смута. Нет, никак себя не изменить. Вот почему слова ее песни: «Нет, ни о чем. Я не жалею ни о чем...» — звучат как вызов судьбе.

Но как же все-таки может не повезти в жизни! Почему «папашу» убили тогда, в тридцать шестом? Кто это сделал? — тайна, покрытая мраком. Эдит плакала, когда складывала свои пожитки, покидая «Гернис». Неужели снова на улицу? И за душой ни гроша?

Песнь шестая. «Я находился на лечении в военном госпитале. Палата была переполнена ранеными; одни спали тихо, другие стонали во сне, а я лежал в забытье, и до меня, непонятно откуда, доносились звуки какой-то песни, доселе мне совсем не знакомой. Пробудившись ото сна, я продолжал отчетливо слышать и слова, и музыку песни — мне оставалось только сесть и перенести ее на бумагу. Так появился «Аккордеонист». Это был 1945 год.

В первое же увольнение я, не раздумывая, позвонил Пиаф. Как оказалось, имя мое ей было известно по моим старым «песенкам». В то время Пиаф очень много работала, и выкроить свободную минуту для меня ей было нелегко. Однако я упорно настаивал на встрече, ссылаясь на то, что уже через три дня снова отправляюсь на фронт. Наконец после долгих уговоров встреча была назначена. Я долго ждал Пиаф, и вот она появилась. Надо сказать, вид у нее был такой, будто приготовилась она услышать, как потом сама выразилась, что-то наподобие «Маленьких птичек». Тогда под собственный аккомпанемент я ей спел «Аккордеониста». Волновался не на шутку. Понимаете, когда у вас есть готовая песня, и вы собираетесь показать ее Пиаф, можно смело сказать, что ваш звездный час пробил. Закончив петь, я заметил, что лицо ее бледно. «Спойте сначала!» — попросила она. И я снова запел. Потом мы принялись за слова. Спустя три часа она уже пела ее сама, повторив раз сорок. Потом мы расстались с Пиаф. «Я спою тебе ее завтра»,— сказала она на прощанье.

События того вечера, чем-то напоминавшие сюжет мелодрамы, мне не забыть никогда. Помню, пришел я в военной форме в зал, где она выступала. Пиаф объявила: «Вы видите перед собой молодого человека, автора песни, которую я вам сейчас спою. Завтра он должен уехать на фронт...» И она запела «Аккордеониста». После того как песня прозвучала, в зале секунд на десять установилась тишина. Это было грандиозно.

Но вот война закончилась, я возвратился в Париж и принялся писать для Пиаф; в год выходило по две-три песни. Последнюю мы выпустили совсем недавно. Была она, если не ошибаюсь, двадцать пятой по счету и называлась «Я столько повидала на белом свете...». Это вспоминает Мишель Эме, французский композитор.

Песнь седьмая. Она, как и прежде, звалась Эдит и только добавила к своему имени прозвище Пиаф. Слава! Да вот же она! Бери ее! И деньги тоже. Есть над чем поразмыслить Малышке Пиаф. Ведь надо же не уронить себя в глазах публики, заполняющей до отказа «Бобино», «АВС» и другие концертные залы...

Наконец пришло то время, когда следует серьезно задуматься и о вопросе вопросов всей жизни — о любви! Нужно отомстить за себя. Но как? Как бы там ни было — любовь ляжет к ее ногам.

Песнь восьмая. Пожалуй, самая прекрасная. В которой романс достигает своего апофеоза. Наконец-то Пиаф встретила настоящего человека: Мужчину с большой буквы.

[1] *Улисс, или Одиссей, герой одноименного эпоса Гомера.— Прим. ред.*

PIAF

Жан КО,
французский
журналист

Так появился союз Марселя и Эдит. Сердана и Пиаф. Боксера и Певицы. Эту песнь, нужно заметить, знают все наизусть. В ней было все: и мужественная девчонка, которой благодаря неимоверным усилиям удалось вырваться из нищеты и стать знаменитостью, этот маленький «уличный цветок», чей голос покорил весь мир и даже Америку, и менеджер, проклинавший эту любовь, терзавшийся муками ревности. Были и гадалки, хитрые бестии, в которых столько же проворства, сколько лени в боксерах, вечно предсказывавшие худое. И наконец жила легенда, свидетельствовавшая о том, что, если бы Антоний не «раскис» в объятиях Египтянки, то смог бы наголову разбить Августа. А Сердан — Джейка Ла Мотту.

Настоящая трагедия бывает настоящей в полном смысле слова, если отражает саму жизнь, в противном случае она смахивает на мелодраму.

В тот день, 27 октября сорок девятого года, Пиаф пела в Нью-Йорке, а Сердан вылетел из Парижа, чтобы в счет реванша высказать «пару ласковых» Ла Мотте и при встрече тысячу слов любви своей Эдит. Самолет потерпел катастрофу на Азорских островах. Вечером ей нужно было выступать. После четвертой песни, которая называлась «Гимн любви», Пиаф упала без чувств прямо на сцене.

Песнь девятая. В которой голос становится все ниже и печальнее. В душе Пиаф тогда что-то оборвалось.

Эдит Пиаф перенесла два несчастных случая, операцию. Постоянные удары судьбы превратили ее в жалкий призрак. Она едва передвигалась по своей квартире на бульваре Лан. Ей уже не подняться. Она мертва...

Как-то раз в ее дверь позвонил молодой композитор Шарль Дюмон. Пиаф была «мертва», но дверь все же открыла и... какое разочарование! В изнеможении она упала в кресло. «Что там еще у вас за песни?» — «Если позволите, я попробую спеть одну?» — «Ну что ж, попытайтесь, мой милый...» — «Вот эта называется «Нет, я не жалею ни о чем». Хотите послушать?» — «Давайте».

С каждым звуком, с каждым словом песни Пиаф воскресала.

«...Когда я услышал Эдит Пиаф, меня потрясла та душевная сила, которая буквально вырывалась из ее маленького хрупкого тела. Вот она выходит на сцену. Она побеждена. Пряди рыжих волос в беспорядке обрамляют ее лоб. Сильные ноги ослабевают под тяжестью сложенных крыльев: ангела? или пичужки? Выражение ее глаз: это глаза слепца, прозревшего благодаря чуду.

Побежденная скрещивает на груди свои маленькие, будто из воска вылепленные ручки. Воск! Восковая статуэтка в образе испанской мадонны, наводящей колдовские чары,— вот какое впечатление она производит на вас. В то же время она сродни хорошо отточенному кинжалу, чему-то острому и разящему, что сверкает ослепительным блеском и источает кровь: капля за каплей. Побежденная начинает петь. И тут на нее устремляются взоры буквально изо всех окон, и слезы печально падают на мостовую. Ей вторят орган и шарманка, простая далекая шарманка из праздников нашего детства.

Но вот побежденная распрямляет плечи, крылья расправляются — и тяжесть куда-то исчезает, будто ее и не было вовсе. Руки ее превращаются в ветви деревьев, раскачивающиеся из стороны в сторону, как в сильную бурю, и жалкая женщина вдруг преображается. А люди, внимающие ее голосу, становятся иными, потому что она вбирает в себя всю их муку, облекая ее в свое неповторимое пение. Она превращается в грозное эхо, которое, отразившись от сумрачного безмолвия человеческого безразличия, заставляет людей видеть и слышать.

Ее любят за то, что поет она музыку улиц, «мотивы», которые напеваются всеми без исключения, и кажется, что музыка эта рождена на тех самых улицах. Да, это похоже на правду. Ведь популярность незамысловатых «романсов» можно объяснить тем, что они отвечают сокровенным чаяниям народных масс, и народ повторяет их, уверовав в то, что сочиняются они им самим. Такие песни являются порождением моды, и сама же мода их в конце концов отвергает. При виде этой пестрящей своим разнообразием продукции, где имя автора просто теряется, невольно приходишь в замешательство. Шлягеры появляются, как грибы после дождя. Поглощая и сменяя друг друга, они приобретают схожесть и в то же время отличаются один от другого».

Жан Кокто, французский поэт.

Песнь десятая и последняя. Или последний раунд. Пиаф чувствовала, что конец ее близок, но, как нокаутированный боксер, отказывалась от спасительной губки. Окончательно выбившаяся из сил, она меняла одну клинику за другой. Выходила только для того, чтобы еще раз взойти на подмостки сцены, пела, падала без чувств, и ее снова возвращали в клинику.

Разве можно остаться равнодушным, глядя, как измученная, потерявшая оперение птица в предсмертной агонии поет свою последнюю песню. Нет, на это нельзя смотреть без содрогания.

«Вы боитесь смерти?» — «Нет, пока я пою, нет».— «Вы же не можете петь целую вечность?» — «Я не хочу умереть старухой».

Ей было сорок восемь, когда она скончалась в тот октябрьский день, увенчанная славой, любовью и долгами. В последний путь Пиаф провожал бесконечный скорбящий людской поток. Тысячи платков не отнимались от глаз. По лицам текли слезы искреннего горя. Казалось, они способны затопить все вокруг.

Перевел с французского Игорь АЛЧЕЕВ

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Пятнадцать лет назад, в октябре 1972 года, американская группа «Криденс клиэруотер ривайвл» объявила о своем распаде: битва с фирмой грамзаписи «Фэнтэзи рекордс» была проиграна. А ведь первая пластинка группы, вышедшая в 1968 году, наделала столько шума, что, казалось, блестящее будущее гарантировано. Оно и оказалось блестящим — для песен, но не для музыкантов...

Считается, что именно «Криденс клиэруотер ривайвл» создали кантри-рок, а ее лидер, Джон Фогерти — композитор, поэт, вокалист, гитарист,— был в конце шестидесятых более популярен в Америке, чем любой из «Битлз». Пять лет крутились шестеренки механизма, который вывел фирму «Фэнтэзи рекордс» на интернациональный рынок. В кассу «Фэнтэзи» текли миллионы, а музыканты «Криденс», которые добывали их — они были в тот период единственными клиентами фирмы,— бедствовали в буквальном смысле слова.

Договор между «Фэнтэзи рекордс» и группой «Криденс клиэруотер ривайвл» был составлен на таких условиях, что пресса окрестила музыкантов «индустриальными рабами от рок-музыки». Мыслимое ли дело, чтобы авторы и исполнители зарабатывали меньше, чем обслуживающий персонал фирмы грамзаписи? Как такое могло произойти?

Когда неопытные музыканты пришли к президенту «Фэнтэзи» и предложили ему послушать свои песни, тот вначале отказался. Какие песни, фирма не просуществовала и двух лет, а дело идет к банкротству — до песен ли! Но его уговорили. Услышав первые аккорды, Соул Зенц (запомните это имя: если вам захочется кого-нибудь крепко обидеть, обвинив в акульей жадности, можете бросить в лицо «Соул Зенц!») понял — это тот самый случай, про который говорят, что бывает он только раз в жизни. За бесхитростными песнями четырех парней в сознании Зенца отчетливо маячило удобное директорское кресло, неслись вереницы серебристых авто, рвались ввысь фешенебельные отели — все для него, Соула Зенца, в то время почти банкрота.

Тут же был составлен контракт, который особо оговаривал, что музыканты, во-первых, отказываются от авторских прав на все будущие произведения в пользу фирмы, а, во-вторых, обязуются не предъявлять фирме финансовых претензий. И они это подписали! Музыкантам бросили кость в виде единовременной ссуды в размере трех тысяч долларов, которые показались им сказочным богатством, но предупредили, что ссуда будет удержана из будущих гонораров. Но в то время этот вопрос их мало волновал: ну при чем здесь деньги, когда настоящая фирма заключила с ними настоящий контракт! А будущее? Конечно же, будет блистательным!

С интервалом в несколько месяцев «Криденс» записывают две пластинки, альбом «Болотная страна» становится американским бестселлером, а песня «Гордая Мэри» взлетает на вершину хит-парадов США и Англии.

И музыкальные критики, и поклонники рок-н-ролла по обе стороны Атлантики встретили новую группу очень тепло: динамичная, живая музыка с резким акцентом на кантри понравилась практически всем слушателям, от «сердитых» молодых людей до их родителей. В песнях рассказывалось о жизни простых людей американского Юга, об их заботах и проблемах, а поскольку эти проблемы мало чем отличались от тех, которые беспокоили людей в Европе, то «Криденс» встретили с распростертыми объятиями даже в Италии, куда до тех пор англоязычная музыка проникала при огромном сопротивлении.

Коммерческий успех идет по следам популярности, и Соул Зенц уже прикидывал, какие прибыли принесут ему эти блаженные через несколько лет. Группа выпускала пластинку за пластинкой, совершала изнурительные гастрольные поездки, во время которых за нею следовал почетный эскорт поклонников — это ли не слава! — а долги продолжали расти. Раз в месяц наезжал Зенц (каждый раз в новом лимузине) и, как добрый дядюшка выдает приживалам-племянникам на карманные расходы, отсчитывал музыкантам по сто долларов и уезжал, проклиная себя за неумеренную щедрость.

Фогерти попытался взбунтоваться — в конце концов, найдутся и другие желающие записывать его песни на виниле! Как же он заблуждался! Контракт заключен на семь лет с правом продления или расторжения по усмотрению фирмы, к тому же «Фэнтэзи рекордс» принадлежали авторские права на все песни. И даже если бы Фогерти и сумел найти смельчака, согласившегося записывать группу, то этот отважный самоубийца вынужден был бы пойти на такие расходы по выплате неустоек, что вся его смелость мгновенно бы испарилась.

Группа продолжала работать. Несмотря на подавленное состояние, «Криденс» выпустили свои самые лучшие пластинки — «Маленький заводик «Космо» («Космо» — прозвище барабанщика Клиффорда.— *Прим. авт.*) и «Маятник». Фогерти решил последний раз попытаться объясниться с Зенцем, но тот не уступил ни цента. Был только один выход, но он означал кру-

шение всех надежд: контракт можно было расторгнуть еще и в случае распада группы... И тут выяснилось, что «Фэнтэзи рекордс» в одностороннем порядке продляет контракт еще на тридцать лет! Это был последний удар.

Джон Фогерти тяжело переживал распад «Криденс», но вечные долги заставили его вновь сесть за нотную бумагу — в 1972 и в 1975 годах он выпустил два сольных альбома и наконец расплатился с кредиторами. Он был свободен и так же не обременен богатством, как и десять лет назад.

Таково длинное предисловие к самому главному: как и зачем Фогерти вернулся в музыку.

Несколько лет Джон Фогерти не мог оправиться от полученного удара, по его словам, он совершенно пал духом. В таком состоянии о творчестве не могло быть и речи, и он уступил поле битвы более молодым. На себе Фогерти поставил крест, а то, что происходило вокруг, напоминало ему кадры из фильма ужасов: «Впервые за долгие годы я наконец серьезно задумался и вдруг понял — правда, мысль не бог весть какая новая,— что пока одни восторженно носятся со всей этой музыкой, другие проворачивают под эту музыку грязные дела!»

И он решил вернуться, чтобы дать свой бой.

В начале 1985 года музыкальные издания Англии и США взорвались восторженными статьями: «Старина Фогерти после десятилетнего отсутствия вновь завоевал мир!» («Виллидж войс», США), «Этому парню не занимать таланта и мужества — такого пинка шоуиндустрия еще не получала!» («Нью мюзикл экспресс», Великобритания), «Кажется, так просто — после десяти лет молчания первая же пластинка становится международным бестселлером, но что за этим стоит?» («Роллинг стоун», США). И т. д., и т. п. Что произошло? Ничего особенного с точки зрения Фогерти, просто он выпустил третий сольный альбом «Направление главного удара». И этот удар был хорошо рассчитан.

Музыка этой пластинки в лучших традициях «Криденс клиэруотер ривайвл». Две центральные композиции называются «Доброму дядюшке не до шуток» и «Мистер скряга» — Фогерти в ироничной форме поведал о событиях, которые происходили в кулуарах «Фэнтэзи» и которые, как он убежден, произойдут еще не раз за кулисами других фирм «империи развлечений». Слова «Здесь убивают юность и мечты» из «Доброго дядюшки» можно выбить в камне над входом в любую фирму грамзаписи, считает Фогерти.

Соул Зенц обиделся и вчинил Фогерти иск «за оскорбление личности». Суд отказался рассматривать жалобу, мотивировав решение тем, что имя и фамилия Зенца не фигурируют ни в одной песне, поэтому «факта оскорбления личности суд не усматривает». Президент «Фэнтэзи рекордс» грозил страшными карами, на что Фогерти заметил: «Посыпьте эту личность долларами, а потом плюйте в нее сколько хотите — она будет только утираться и благодарить вас».

Итак, дело сделано, враг повержен: с Зенцем перестали сотрудничать щепетильные бизнесмены, а приятели при встрече предпочитают перейти на другую сторону улицы. Казалось, можно перевести дух и работать спокойно, закрепляя успех, поскольку у жесткого кантри-рока, каким славились «Криденс», еще много поклонников. Но Фогерти не устраивала репутация истощившегося таланта, не способного на новые идеи.

Мысль о том, что в песне можно говорить не только о муках безответной любви и «бессмертном рок-н-ролле», не принадлежит Фогерти: социальные и политические проблемы волнуют многих исполнителей. Собственно говоря, первый крик, который издала рок-музыка в колыбели, был криком протеста. Так что протестующие рок-музыканты уже никого не удивляют, более того, публика иногда сердится: сколько можно об одном и том же? Права человека, войны, войны, бесконечные войны, наркотики, безработица, апартеид, опять безработица — об этом поют все, от Мадонны до «Дайр стрейтс» — и какой результат? Что, безработица уменьшилась или в ЮАР поняли: апартеид — это нехорошо? Ничего подобного, торговцы наркотиками процветают, безработица растет, локальные войны становятся более ожесточенными. Фогерти както сказал, что не обольщается относительно истинных возможностей рок-музыки: как средство развлечения, эдакий «веселящий газ» — да, а вот что касается ее социально-политического значения, то вопрос весьма спорный. Если... не называть вещи своими именами. Стоит указать на истинного виновника пальцем, и ему будет не по себе, а это уже кое-что. Так считает Фогерти.

Фогерти не политик, просто он честный американец, которому небезразлична судьба своей страны (слова, правда, тоже избитые: честный, небезразличный — мы, наверное, слишком часто произносим их где надо, а главное — где не надо).

Итак, пластинка 1986 года «Взгляд Зомби». И сейчас самое время поговорить немного об экспериментах Фогерти с музыкальными стилями. Задумав тематическую пластинку, Джон решил, что старое средство — кантри-рок — вряд ли поможет ему раскрыть выношенную идею. А поскольку он задумал не что-нибудь, а ретроспективную картину нашего двадцатого века со всеми его болячками и язвами, то требовались новые средства, которые объединили бы в единое целое музыку и слова.

И Фогерти смело пошел на смешение стилей, существующих в современной рок-музыке. В группу, которую неофициально окрестили «Джон Фогерти бэнд», вошли довольно известные музыканты (они помогали ему записывать и «Направление главного удара»), имевшие надежный кусок хлеба в студии фирмы грамзаписи «Уорнер бразерз»: Джон Робинсон, ударные (он единственный из всех играл до этого в постоянной группе «Руфус»); Нейл Стабенхауз, бас; Алан Паскуа, клавишные; Марти Уолш, гитара, и сам Фогерти, гитара и вокал. Еще четыре вокалиста были приглашены для записи партий второго голоса.

В сентябре прошлого года без громкой рекламы и пробных «сорокапяток» пластинка Джона Фогерти «Взгляд Зомби» появилась на прилавках магазинов. А через неделю она уже возглавила хит-парады в Европе и в США.

Фогерти очень умело «скрестил» такие полярные стили, как хэви метал и реггей, джаз-рок и кантри, рок-н-ролл и фьюжн. Эффект получился поразительный. Холодная динамика «металла» органично переплетена с пульсирующим реггей и хрипатым, веселым кантри — энергия музыки прорывает рамки стилей и переводит сложные музыкальные темы в совершенно иные, непривычные ракурсы.

Заглавная песня, «Взгляд Зомби», посвящена злободневному и острому вопросу современной Америки — борьбе с преступностью и терроризмом, это конкретная программа конкретных действий, которые, как считает автор, должны дать результаты. В песне «Сода-поп» Фогерти вновь возвращается к теме «алчных фирм грамзаписи», но на этот раз он раскрывает ее шире, рассматривая не частный случай, как в «Направлении главного удара», а общие тенденции, свойственные современной фабрике по изготовлению «звезд с растоптанным человеческим достоинством».

Композиция «Заголовки» разносит американские средства массовой информации, их практику тенденциозной подачи новостей: «Нас каждый день бомбардируют ужасами и травят страхом — это действительно страшно, но перед телевизорами уже сидят человеческие оболочки с иссушенными мозгами и опустошенными душами — это не менее страшно!» «Заголовки», пожалуй, единственная на пластинке композиция, в которой четко прослеживается музыкальный стиль: хэви метал-рок. Но какой!

«Прибыльное насилие» — о международных торговцах оружием. Беспощадные, кипящие гневом строки этой песни бьют по конкретным лицам: Майкл Гордон, Грэм Ротшильд — Фогерти обошелся без аллегорий и открыто называет людей, чья тень стоит за каждой жертвой международного терроризма. Уже после того, как «Взгляд Зомби» появился в продаже, Фогерти сказал в интервью «Мелоди мейкер»: «Художник не имеет права растрачивать свой талант на пустяки, в конце концов, мы живем в такое время, когда создание песенок о любви граничит с преступлением».

С. КАСТАЛЬСКИЙ

«БОН ДЖОВИ»

Еще совсем недавно группа «Бон Джови» выступала как «подогреватель» публики перед концертами асов рока, и хотя со дня образования квинтета прошло не так уж мало времени — почти пять лет, выход музыкантов на «звездную орбиту» можно с полным основанием считать стремительным.

В 1982 году Йон Бонджиови, вчерашний школьник, игравший в любительских группах, устроился уборщиком в один из филиалов фирмы грамзаписи «Меркьюри». Однажды вечером, когда все сотрудники отправились по домам, Йон пробрался в павильон звукозаписи и за несколько часов записал любительскую композицию, которую назвал незатейливо «Беглец». На следующий день старший брат, работавший в той же студии, прослушал творение юного подметальщика и пришел в полный восторг. «Беглеца» послали на пробу директору местной радиостанции, и песня попала в хит-парад журнала «Биллборд». Фирма «Меркьюри» подписала контракт с Бонджиови и предложила американизировать фамилию. Так появился Бон Джови.

Бон Джови принялся сколачивать группу: место за клавишными занял его одноклассник Дэвид Решбаум (он взял себе псевдоним Брайан), барабанщик Тико Торрес ради такого дела бросил довольно перспективную группу «Нокаутс», бас-гитарист Алек Джон Сач пришел из группы «Фантомс опера», лидер-гитаристом стал Ричи Сэмбора. Новая рок-единица записала первый альбом, ядром которого был «Беглец», начались гастроли, длившиеся почти год. Затем «Бон Джови» сделали вторую пластинку, которую назвали «7800 градусов по Фаренгейту»: «В названии заложен двойной смысл,— говорит Йон,— это температура плавления скальных пород («рок» по-английски может иметь значение «скала». — Ред.), но поскольку шкала Фаренгейта применяется только в Штатах, мы предлагаем считать это температурой плавления американского рок-н-ролла. Иначе: кипящий американский рок!»

Американские музыкальные обозреватели встретили новичков довольно снисходительно: прошлись по поводу простеньких стишков и окрестили группу основоположниками «мягкого металла», или софт-метал.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Пластинки мирно пребывали в хвосте хит-парадов, в эфире песенки «Бон Джови» звучали, хоть и не часто, группа сделала ставку на концертные выступления, и публика принимала их неплохо. Но подобное положение не устраивало музыкантов, и они начали готовить материал для третьего диска, который, по их замыслам, должен был в корне изменить отношение к творчеству «Бон Джови». В результате получилась пластинка «Когда мокро, то скользко». Вот уже почти год она стоит в верхних строках американских хит-парадов; пробравшись в Европу, она стала популярной даже в Швейцарии, наголову разбив царившее там евродиско. Как показатель успеха — появление подражателей: шведская «Европа», английские «Лохнесс смайл» и «Дид оф Нельсон», некоторые американские группы.

К. ПОЛИНИН

«ЭЛАН»

«Вдруг любовь пропала. Говорят о краже. Тех, кто помоложе, обвинят в пропаже. След любви последний ливни ночью смыли. Есть и подозренье: унесли, убили! Старые романы сплошь покрыла плесень, не найти беглянки в популярных песнях. А любовь нужна нам! Началась облава, поиск и поимка — грустная забава...» Песня «Детективная история» завоевала «Серебряную лиру» на прошлогоднем фестивале «Братиславская лира», а создатели и исполнители ее — группа «Элан» — уже несколько лет подряд становятся победителями конкурса «Золотой соловей ЧССР» в категории ансамблей.

Создали «Элан» Йозеф Раж и Вацлав Патейдл, в 1979 году группа перешла из самодеятельности «в профессионалы» и выпустила с тех пор шесть долгоиграющих дисков. Ансамбль из Братиславы гастролировал во всех социалистических странах, с успехом выступал в Тунисе, Голландии, Франции, в Скандинавии. В 1985 году Патейдл, тяготевший к студийному творчеству, покинул группу, и от первоначального состава «Элана» остались только Йозеф Раж (бас-гитара) и Ян Балаж (гитара-соло), на ударных теперь играет Габриэл Сабо, клавишник — Мартин Карваш. В этом году «Элан» в очередной, шестой раз приезжал в СССР. «По мере того как растет уровень советской рок-музыки, ваша публика становится все требовательнее, и работать для нее теперь интереснее»,— сказал после завершения гастролей Йозеф Раж.

Т. ОСАДЧЕНКО

со стр. 25 ▼

Поэтому мы решили ограничиться английской дискографией «Битлз», отметив при этом лишь те сборники, которые сегодня уже традиционно приравниваются к порядковым альбомам. «Сорокапятки» в дискографию не входят.

Итак, пластинки «Битлз», выходившие в Англии: 1. «Битлз» и Тони Шеридан» («The Beatles and Tony Sheridan»), 1962 год. 2. «Пожалуйста, порадуй меня» («Please Please Me»), 1963 год. 3. «Вместе с «Битлз» («With The Beatles»), 1963 год. 4. «Вечер трудного дня» («A Hard Day's Night»), 1964 год. Песни из этого альбома и альбома № 6 звучали в одноименных фильмах режиссера М. Лестера, в которых снимались «Битлз». 5. «Битлз» для распродажи» («Beatles For Sale»), 1964 год. 6. «На помощь!» («Help!»), 1965 год. 7. «Эластичная личность» (иногда переводят как «Резиновая душа») — («Rubber Soul»), 1965 год. 8. «Револьвер» («Revolver»), 1966 год. 9. «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» («Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band»), 1967 год. 10. «Коллекция старых песен» («Collection of Oldies»), 1967 год. Сборник. 11. «Волшебное таинственное путешествие» («Magical Mystery Tour»), 1967 год. В оригинале альбом вышел в виде двух так называемых ЕР-пластинок, то есть «микрогигантов». Это музыка и песни к одноименному телевизионному фильму. 12. «Битлз» («The Beatles»), 1968 год. Двойной альбом, иногда его называют «Белый альбом» по цвету конверта, или «Рождественский альбом», поскольку он появился в канун рождества. Фотографии, опубликованные на стр. 25, вкладывались в этот альбом. 13. «Желтая подводная лодка» («Yellow Submarine»), 1969 год. Некоторые считают диск сборником, поскольку две входящие в него песни («Желтая подводная лодка» и «Все, что тебе надо, это любовь») ранее выходили на других пластинках. Это песни (авторы Леннон — Маккартни и Харрисон) и музыкальная композиция (автор Джордж Мартин) к одноименному мультфильму, в основе которого лежат рисунки Джона Леннона. 14. «Эбби роуд» («Abbey Road») — название улицы, на которой располагалась студия звукозаписи «Битлз», 1969 год. 15. «И снова «Битлз» («The Beatles Again»), 1970 год. Явно сборник, но с несколькими песнями, никогда ранее не звучавшими. 16. «Пусть будет так» («Let It Be»), 1970 год. Существует документальный фильм, рассказывающий о записи этой пластинки. 17. «1962—1966», 1973 год. Двойной сборник. 18. «1967—1970», 1973 год. Двойной сборник. 19. «Редкие песни «Битлз» («Rarities»), 1976 год. Сборник. 20. «Рок-н-ролл» («Rock-n-roll»), 1976 год. Двойной сборник рок-н-роллов «Битлз». 21. «Концерт в Голливуде» («Live At The Hollywood Bowl»), 1977 год. Это запись одного из концертов «Битлз» во время их американских гастролей в первой половине 60-х годов. 22. «Лирические песни» («Love Songs»), 1977 год. Двойной сборник.

«AVERAGE WHITE BAND» *(«Эверидж уайт бэнд»). Это тот самый случай, когда название группы приходится не переводить, а скорее растолковывать. И толковать можно так: «Обыкновенная белая группа». Возможно, такое название возникло потому, что музыканты из Шотландии взяли на вооружение негритянский стиль фанк — до 1972 года, когда образовалась группа, этот стиль был уже достаточно известен в Европе, но в исполнении «Эверидж уайт бэнд» получил своего рода второе дыхание. Они же были одними из первых глашатаев наступившей в середине семидесятых эры «диско». Практически все музыканты до того, как их собрал Алан Горри, бас, вокал, выступали в Англии и Шотландии с самыми различными исполнителями: Робби Макинтош, ударные, играл в «Экспрессе «Забвение» Брайана Огера; Роджер Болл, клавишные, саксофон, и Малькольм Дункан, тенор-саксофонист, входили в состав группы «Данди хорнс», а Хэмиш Стюарт, гитара, вокал, участвовал в записи пластинок Кэта Стивенса. Второй гитарист и вокалист Онни Макинтайр в конце 60-х играл с Джеффом Бекком.*

Дебютом группы стал совместный концерт с Эриком Клэптоном в январе 1973 года. После этого «Эверидж уайт бэнд» выпустили альбом «Покажи, на что ты способен»: как выяснилось, показывать пока было нечего. Зато вторая пластинка — «AWB», аббревиатура названия ансамбля, в 1974 году неожиданно для всех получила премию «Грэмми».

В сентябре того же 1974 года Макинтош любопытства ради попробовал героин — первое знакомство с наркотиком оказалось смертельным. И свой второй «золотой» альбом «Подели пирог» (1975 год) музыканты посвятили памяти Макинтоша. Барабанщиком группы стал Стив Ферроне.

«Эверидж уайт бэнд» продолжали выпускать пластинки («Как тебе угодно», 1975 год, «В поисках души», 1976 год, «Человек человеку...», 1976 год), но постепенно переключились на сотрудничество с другими исполнителями, среди которых были Чака Хан, Джек Брюс и их «крестный отец» Клэптон. В 1977 году совместно с соул-певцом Бенном Кингом группа выпустила пластинку «Бенни и мы», в 1978-м вышел диск «Тепло общения» (с Чакой Хан), в 1979 году — «Спокойно, без раздражения», в 1980-м — «Сияние». В 1982 году «Эверидж уайт бэнд» записали альбом «В моде Купидоны» и объявили о временном прекращении студийной и концертной работы: это «временное» бездействие затянулось уже на пять лет.

AYERS, KEVIN. *Имя Кевина Эйерса впервые привлекло внимание в 1963 году, когда он вместе со своими школьными друзьями из Кентербери организовал групу «Уайлд флауэрз» («Дикие цветы»). Считается, что «Дикие цветы» играли арт-рок, но вряд ли это утверждение справедливо: скорее музыканты были на подступах к арт-року. В 1966 году Кевин и Роберт Уайатт (о Роберте Уайатте «Ровесник» рассказывал в № 12 за 1980 год), уходят из «Цветов» и организуют новую группу «Софт мэшин». В течение двух лет Эйерс выполнял функции бас-гитариста, а в 1968 году решил начать сольную карьеру.*

Его первая пластинка вышла в 1970 году, она называется «Забава»; это также и первая вокальная работа Кевина.

До 1978 года Эйерс выпускал по нескольку пластинок в год — в разное время с ним записывались многие музыканты, в том числе и Элтон Джон. Необычный арт-рок Эйерса — его музыку некоторые критики называли «арт-роком в квадрате» — сделал Кевина необычайно популярным не только у слушателей, но и в среде рок-музыкантов, и Эйерса часто приглашали участвовать в записи такие звезды, как Майк Олдфилд, Стив Хиллидж, Джон Кейл и Брайан Эно.

В 1978 году он выпустил диск «Исчезающая радуга» и надолго исчез с горизонта. Лишь в мае прошлого года вышла его пластинка «Все именно так, как ты предполагаешь», а сейчас Эйерс собрал новую группу «Револьвер и картель» и собирается записывать диск.

AYERS, ROY. *Американский музыкант Рой Эйерс — из породы вундеркиндов: утверждают, что он начал играть на фортепиано еще до того, как научился ходить. В конце 50-х годов, будучи еще студентом лос-анджелесской консерватории, Рой увлекся виброфоном и стал экспериментировать с этим инструментом, используя его при обработке джазовых композиций. В 1965 году Эйерс организовал свою группу, которая очень быстро распалась, и Роя Эйерса пригласил Херби Мэнн, а сотрудничать с Мэнном в то время мечтал любой тяготеющий к джазу музыкант. Эйерс работал в этой группе с 1966 по 1970 год, впоследствии Мэнн был продюсером первых сольных альбомов Роя.*

Эйерса все больше привлекал рок, он начал экспериментировать с электронными инструментами и в 1970 году собрал необычную по тем временам группу: это был полностью «электрифицированный» ансамбль, играющий смесь джаза, рока, карибских мелодий и ритм-энд-блюза. Свою группу Эйерс назвал «Ubiquity» — «Вездесущность». В ее состав входили барабанщик Билли Коубхэм, флейтист Херберт Лос, гитарист Джордж Бенсон, тромбонист Уэйн Хендерсон, нигерийский саксофонист Фела Аникулапо Кути и вокалист Ди Ди Бриджуотер. «Вездесущность» выпустила лишь одну пластинку и распалась.

Первая сольная пластинка Эйерса «Он придет сюда» вышла в 1972 году, и с тех пор он записывает ежегодно по два-три альбома (в 1975 году их было пять) — производительность ничуть не меньшая, чем у его английского однофамильца.

К середине 70-х годов Рой Эйерс все больше уходит в разработанный им стиль, который он назвал «диско-джаз».

Как бы там ни было, постепенно странная музыка Эйерса начала приобретать «товарный вид», что не замедлило сказаться на ее коммерческом успехе: пластинки «Кто не любит рассвет, встать!», 1975 год, и «Линия жизни», 1977 год, попали в хит-парады, а композиция 1978 года «Фрики-Дики» дала название популярному тогда в Америке танцу.

Среди последних работ Эйерса следует выделить альбомы «Африка, центр мира», 1981 год — здесь музыкант вводит в свою музыку национальные ритмы этого континента; «Чувствую себя отлично», 1982 год; и работу прошлого года «О вкусах не спорят», которую можно расценивать как возвращение Эйерса в лоно традиционного джаз-рока.

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Иржи Франек. ТРУД, ИСПОЛНЕННЫЙ СМЫСЛА
8. Карола Кретчман. ВРЕМЯ В ЦВЕТЕ
10. Норман Мейлер: «Я ОЧЕНЬ НАДЕЮСЬ»
12. Нина Чугунова, Геннадий Героев. ЖИЗНЬ СВЯЩЕННА
16. Андре Бринк. ДАХАУ — ЙОХАННЕСБУРГ
18. Алла Грачева. СКУЛЬПТУРА — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ
20. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
22. Петер Биксель. ЛЕТОМ СНОВА ПРИЕДЕТ ЦИРК...
26. Жан Ко. ПИАФ
28. С. Кастальский. НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА
30. К. Полинин. «БОН ДЖОВИ», Т. Осадченко. «ЭЛАН»
31. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ.

Художественный редактор Т. Н. Филипповская

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор М. В. Симонова

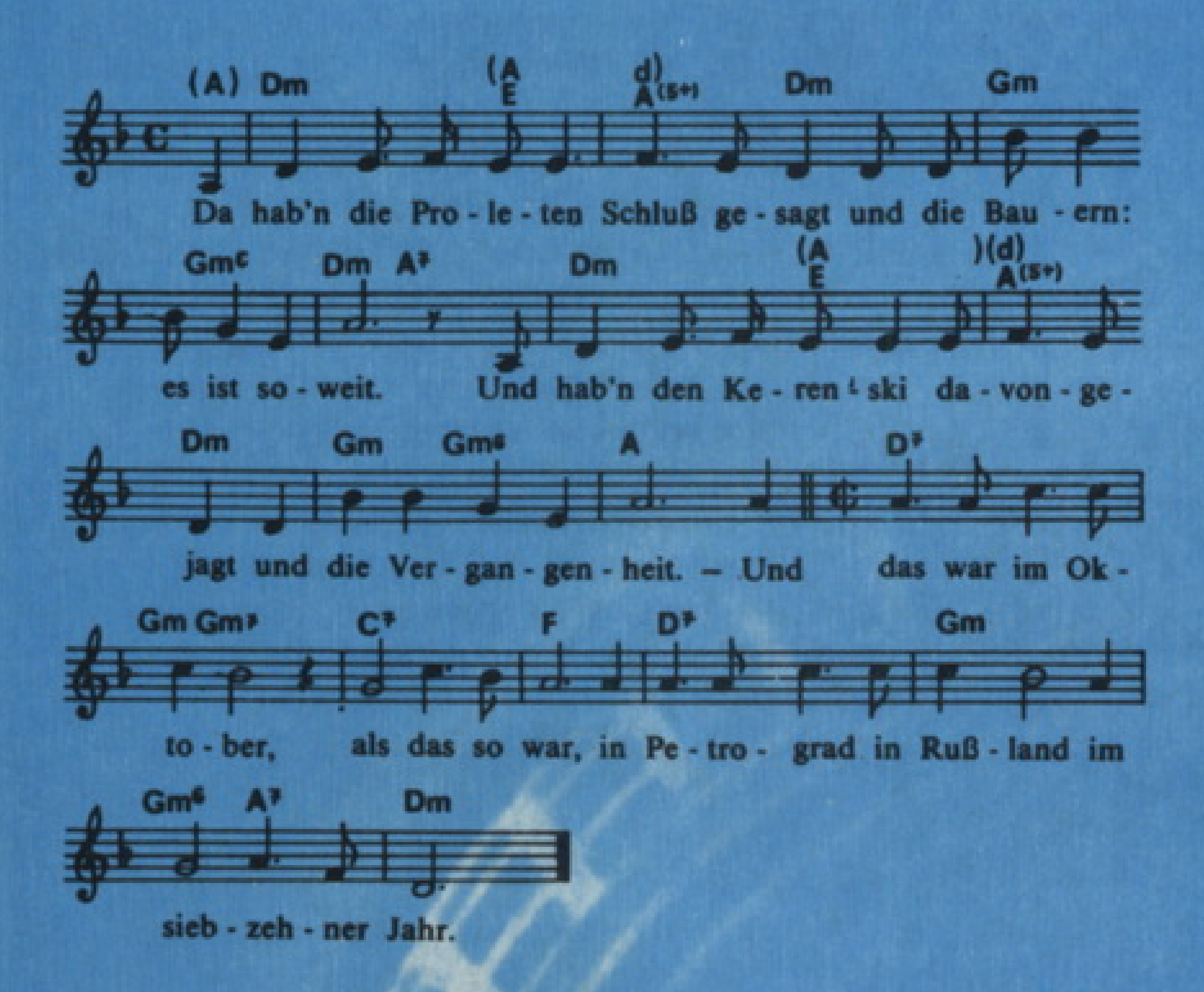
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 9.10.87. Подписано к печ. 9.11.87. А14210. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44, Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 247.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Шестьдесят пять лет назад I Всесоюзный съезд Советов провозгласил создание Союза Советских Социалистических Республик. Это стало возможным потому, что 70 лет назад, «в Петрограде, в России пролетарии сказали: «Хватит!», а крестьяне — «Довольно!», и выгнали Керенского в прошлое»,— как поется в «Октябрьской песне», созданной поэтом и композитором из ГДР Петером Хаке и Рольфом Кулем. «Тогда солдат повернул в другую сторону ружье и снова стал рабочим... Тогда у мужика было пусто в животе, и тут он прочел декрет, что хлеб должен есть тот, кто его выращивает... А тот, кто поет вам эту песню, родился и живет в новом мире».

(Первый куплет — на нотах.)

2. Da hat der Soldat das Gewehr umgewandt,
da wurd'er wieder Prolet.
Worauf sehr schnell vom Krieg abstand
die Generalität.
Припев:
Und das war im Oktober, als das so war,
in Petrograd in Russland
im siebzehner Jahr.
3. Da hatte der Muschik den Bauch nicht voll,
und da las er dann ein Dekret,
dass der das Korn jetzt fressen soll,
der auch das Korn abmäht.
Припев.
4. Die Herrn hab'n durchs Monokel geguckt
und haben die Welt regiert.
Und eh ein Matrose in die Newa spuckt,
war'n sie expropriiert.
Припев.
5. Und der dies Lied euch singen tat,
lebt in einer neuen Welt.
Der Kumpel, der Muschik, der rote Soldat
hab'n die euch hingestellt.
Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.